

Деревцоцвет

Литературно-художественный альманах для юношества

№ 3 (19)
2004

Первоцвет

№ 3 (19) 2004

Литературно-художественный альманах для юношества

Основан в 1998 году

Учредитель

Областная юношеская библиотека
им. И. П. Уткина

Главный редактор

Анна Стародубцева

Зам. гл. редактора

Светлана Зубакова

Редколлегия

Лидия Середкина
Евгений Суворов
Александр Лаптев
Александр Попов
Лина Иоффе
Регина Присяжникова

Обложка

Сергей Элоян

Рисунки в тексте

Наталья Балакина

Адрес редакции.

664011, г. Иркутск, ул. Чехова, 10

тел. 29-07-93, 20-43-01

E-mail: library@youlib.irk.ru

В номере

СТРАНА ПОЭЗИИ

<i>Константин Корнеев</i>	3
<i>Марина Данилова</i>	4
<i>Максим Орлов</i>	6
<i>Ольга Фигура</i>	8
<i>Наталья Сименькова</i>	9
<i>Владимир Синицын</i>	10
<i>Екатерина Гончарова</i>	12
<i>Елена Кулакова</i>	13
<i>Артем Сутьрин</i>	14
<i>Валентина Фроленко</i>	15
<i>Екатерина Трунова</i>	15
<i>Надежда Грудачева</i>	50
<i>Мария Пузанкова</i>	50
<i>Мария Пуляева</i>	51
<i>Александр Козырев</i>	52
<i>Алина Шапошникова</i>	52
<i>Ксения Мельникова</i>	53
<i>Снежана Чернышова</i>	53
<i>Иван Колокольников</i>	53
<i>Анна Гилева</i>	54
<i>Елена Зайцева</i>	55

МИНИАТЮРЫ

<i>Константин Синьков. Одинокая сосна</i>	17
<i>Галина Дубинина. Зимушка-зима</i>	18
<i>Алексей Гарин. Как муравей искал в лесу цветок</i>	18
<i>Лариса Липатова. Осенняя сказка</i>	19
<i>Алексей Федосеев. Свидание</i>	20
<i>Зоя Хамидуллина. Точка, точка, запятая.</i> <i>Три бессмысленных разговора</i>	22

ГОСТИНАЯ

<i>С верой в добро</i>	25
------------------------------	----

МИР ПРОЗЫ

<i>Елена Сафронова. Ада, или Флуктуация</i>	28
<i>Раиса Демещик. Нарисованные сны</i>	36

ГАЛЕРЕЯ

<i>Светлана Зубакова. Открытый мир Натальи Балакиной</i>	48
--	----

ИМЯ

<i>Валентина Соколова</i>	56
---------------------------------	----

ПОДМОСТКИ

<i>Юрий Баранов. Последний выстрел</i>	67
--	----

ЗОЛОТОЙ ФОНД

<i>Сергей Иоффе</i>	80
---------------------------	----

УЛИЦА УЛЫБОК

<i>Елена Соколова. Лесной детектив</i>	87
--	----

Страна поэзии

Константин Корнеев

г. Иркутск, ИГУ, ист. фак-т

ОНА

В глубине заката
Исчезаю снова.
В мире, где все свято,
Ничего святого.

Смерти не приемлю,
Что-то изменилось.
Я упал на землю,
А она влюбилась.

Вьюга белым вихрем
Понеслась по полю,
Скоро мы привыкнем
К своей тяжелой доле.

Лучше не пытаться —
Сил безумно мало,
Я не мог подняться,
А она летала.

Талою водою
Убегаю в реки,
И плыву молвою
Из варяг да в греки.

Песни и скитанья —
Все, что нам осталось.
Я хранил молчанье,
А она смеялась.

В глубине заката
Исчезаю снова.
В мире, где все свято,
Ничего святого.

Смерти не приемлю,
Что-то изменилось.
Я упал на землю,
А она влюбилась...

ВЕТЕР

О ветер, восставший из голоса тени,
Резцом золотым обозначивший высь,
Падешь ты тоскою на холод ступеней,
И землю сухую отчаянно грызть

Заставят тебя великаны-равнины,
Веленьем немым опрокинут в зарю,
И там, где сливаются горные спины,
Найдешь ты мечту и надежду свою.

И, будто охвачен угрюмым пространством,
Летишь в мои окна, забыв постучать,
Швыряешь бумагу с простым постоянством,
Не дав написать, не позволив сказать

Еще одну мысль, еще одну строчку,
Еще один звук — откровенье души;
Стремимся к свободе мы по одиночке,
Где хочешь — летай, ты — что хочешь, пиши.

Но форточка хлопнет — и мы расстаемся
На день, на неделю, а может — на век,
Но годы пройдут, и мы снова вернемся
В тот мир, где не властвует времени бег.

Марина Данилова

Чунский р-н, Лесогорская
ср. шк., 11 класс

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Что музыка? Звук, исторгаемый с чувством
Певцом, что мечтает опять.
Что может считаться прекрасным искусством,
Коль некому звук исторгать?

Что лирика? Стих, что бессмертен вовеки,
Тот, что никогда не умрет.
Как птиц вдохновляют воздушные реки,
Стихи вдохновляют в полет.

Что муза? Лишь то, что приносит поэту
Прекрасный, как солнце, мотив.
Та девушка, вечно что бродит по свету,
Певцов вдохновляя на стих.

Что чувства? Прекрасное слово, что значит
Души наяву проявленья.
И люди смеются, влюбляются, плачут,
Слабины проклиная мгновенья.

Но что же любовь? Чувство, музыка, стих —
Все это лишь в слове «любовь».
Подросток и парень, мужик и старик,
Не зная, влюбляются вновь.

СОН

Мама, ты знаешь, что ближе тебя
Нет у меня никого.
И потому первой, после себя,
Я расскажу тебе сон.
Снилось мне что-то о странном мире,
Там протекала река.
Плыли по этой широкой реке
В лодочке два чудака.
Друг другу они ерунду говорили
О речке, о птицах, о дне,
О том, что для солнца-то мы меньше пыли,
О яркой, огромной луне...
Им не мешали ни ветер, ни дождь,
Знай твердят об одном:
Как мир наш прекрасен, как мир наш хорош, —
Твердят они и ночью, и днем.
Не могла я понять этих двух чудаков,
В голове не могла уложить:
Мама, в чем польза таких пустяков,
Чем они могут служить?
Самое страшное, я не пойму:
Я почему-то всерьез
Восприняла эту всю ерунду
О птичках и тысяче звезд.
Ах, мама, скажи мне, что произошло?
Что такое творится со мной?
Спокойное время зачем же ушло?
Зачем потеряла покой?
Пойми, мама, я не могу —
Во сне я кричу, я верчусь.
Когда же я мыслить нормально смогу?
Когда, наконец, я проснусь?
Мамулечка, милая мама моя,
Пожалуйста, мне помоги:
Сил нету дождаться прекрасного дня,
Когда встану я с правой ноги...

Максим Орлов

г. Братск

* * *

А какова рентабельность стиха?
Сверхприбыль какова от песнопений?
Весомы ль дивиденды от греха?
От лет прожитых велики ли пени?

Прибавочную стоимость строки
Не заложить в ломбардное окошко,
Ведь рифма — что стремнина для реки,
Как послевкусие от ягоды-морозки.

Не оценить на гиревых весах
Венок сонетов в унциях, каратах,
Ведь рождены они на небесах,
Ниспосланы на крылышках пернатых.

Сравню я рифму с детской слезой
Да с алою есенинскою кровью,
Да с тишиной пред майскою грозой,
С незваною неожиданною любовью.

* * *

Наверняка несовременно
В век интернетных «дабл-ю»
Пытаться, с рифмой непременно,
Провозглашать: «Я Вас люблю».

Пусть паутина Интернета
Живет и здравствует вовек,
Но без нозлей и сонетов
Безлик и скучен человек!

О, вдохновенная натура!
Возьми перо, покуда есть
Чернила и температура
Покамест — тридцать шесть и шесть.

ТРЕТЬЯКОВКА. ВЕРЕЩАГИН. «АПОФЕОЗ ВОЙНЫ»

Скажи, кому нужны поэмы,
когда стреляют АКМы?
Зачем нам Пушкин и Толстой,
когда патрон не холостой?
Зачем Фонвизин и Мольер,
когда заряжен револьвер?
К чему оттенки акварелей? —
Спускают крейсер с аппарелей.
Зачем нам пьесы БДТ,
когда стреляют из ТТ?
К чему величие Байкала? —
Ведь пули льют для самопала.
Зачем нам берега Аргуни,
когда бои идут в Аргуне.
Зачем нам Шилов и Брюллов,
когда достаточно стволов?
Зачем ходить на оперетты,
когда стреляют из «беретты»?
Зачем нам «Лунная соната»,
когда решает все граната?
К чему нам Родион Щедрин,
когда заряжен карабин?
Зачем Каспарову гамбит,
когда заложен динамит?
Кому необходим Уэллс,
когда летает в небе «Стреллс»?
Зачем нам Ницше и Платон,
когда в патроннике патрон?
Зачем Малевича квадрат,
когда есть установка «Град»?
К чему божественный орган,
когда есть Стечкина наган?
А кто тоскует по Шекспиру,
когда бомбят по капониру?
К чему Гомер и Еврипид,
когда взрывается пластид?
А Музам для чего Парнас,
когда орудует спецназ?
К чему романы Франца Кафки,
когда летают «тамагавки»?
К чему влюбленной паре страсти? —
Ведь цепенеет мир от свастик.
И что нам детская слеза,
когда по плацу бьет кирза?
Зачем нужна нам Третьяковка,
когда у снайпера винтовка?
А чем утешит нас Дидро? —
Ведь расщепляется ядро...

О, красота! Спасай наш мир!
Иначе сгинем от мортир.
Художник! Где бутоны роз?
В запасник спрячь «Апофеоз...»

Т. Г.

Конечно, знал, что будет встреча.
Тебе спасибо за звонок...
Надеюсь, что «еще не вечер»
И рано подводить итог.

Да, двадцать лет, увы, не мало.
Немало было и потерь...
О том, что мимо пробежало,
Жалеть не стоит нам теперь.

Мы без причин тогда расстались,
Был Божий промысел виной.
Воспоминания остались,
Для нас не ставшие судьбой.

* * *

Пришла любовь!
А это значит —
Вселенную переиначу,
Судьбу свою перелопачу,
Иные вехи обозначу,
Достану с неба наудачу
Звезду с кометою впридачу.

Пришла любовь!
А это значит,
Что я еще чего-то значу!

Ольга Фигура

г. Братск, детский литературный клуб
«Братские роднички»

ПАМЯТЬ

Все больше разных чисел и людей
В архивах моей памяти хранится —
Забывтые фамилии друзей
И некогда знакомые мне лица.

Я помню — мы когда-то поклялись
Быть вечно вместе... только с кем — забыла.
И лишь потом, узнав получше жизнь,
Я поняла, как все наивно было.

А время, разливаясь в ручейки,
Несется бесконечною рекою,
Событий важных рушит островки
И в бездну забирает их с собою.

И невозможно помнить всех людей.
Как помнить сон, давно уже проснувшись.
Когда-то в недра памяти моей
И ты, мой друг, уйдешь, не оглянувшись.

ЭЛЕГИЯ

Осенний лист напомнил мне о том,
Что жизнь обратно больше не вернешь,
И горестно заплакал за окном
Мой старый добрый друг — осенний дождь.

А ветер провожает осень вдаль.
Еще денек и все — она уйдет
И унесет с собой мою печаль,
И сердце превратился в вечный лед.

Темнеет, начинается гроза.
И больше нет от осени вестей.
Я закрываю сонные глаза
И плачу за себя и за людей.

Наталья Сименькова

г. Тулун

* * *

Поцарапано сердце
Одноглазьем любви.
Одиночества Солнце —
Одноцветье крови.

* * *

Исправь изгиб кардиограммы,
Уйми левосторонний гром,

Создай мгновений диаграмму —
Любви тысячебалльный шторм.

Нарушь затворничества счастья,
Убей стократно форс-мажор,
Сожги трехтомник безучастья —
Наследье выстрелов в упор.

МЕТАМОРФОЗЫ

Ромашковые стаи
Вспорхнули в небытье
И снегом первым стали
Во дворице моем.

Вот незабудки-птахи
Взметнулись второпях:
Небесный цвет рубахи —
Звездою нараспах.

Рубинами розарий
Уста преобразил.
Дурманящий гербарий
Художника сразил.

Подсолнухи в преддверьи
Просились на постой,
Отдали прожелть вере
На купол золотой...

Владимир Сеницын

г. Рыбинск

Жизнь на Марсе. Любовь на Юпитере.
На Луне есть лунные кратеры...

С. Бобунец

День на Марсе. А ночь — на Венере.
Только жизнь все равно на Земле.
Корабли, вы куда полетели,
К черно-белой обратной Луне?

Там белеет глубокий Курчатов
И раскинулось море Москвы.
Тетка. Глушь. Даже город Саратов.
Это нужно другому, увы.

Здесь иначе. Полярная шапка
Зацепила мой город слегка,
И в руке — только снега охапка
С углеродистой тенью цветка.

Но в душе — марсианская буря,
Венерьянский невиданный зной,
Словно верхняя точка июля
Неподвижно стоит надо мной.

* * *

Переменчива зимняя воля,
Я сегодня к тебе не приду.
Мне приснилось цветущее поле
И лягушки в зеленом пруду.

Я не вижу особого прока
В толковании этого сна,
Но с тобою встречаться — морока,
И она мне сейчас не нужна.

Пролистаю забытую книгу,
Сформулирую милый отказ.
...А герой подхватил Анжелику
И в главе девятнадцатой спас.

* * *

Мой конь внезапно занемог,
И я сегодня одинок.

Мой друг уходит на войну.
Мой враг убил свою жену.

Моя принцесса во дворце
Считает камушки в ларце.

Слуга напился. Конюх спит.
Никто со мной не говорит.

Никто не спросит про коня —
Никто не помнит про меня.

* * *

На старых ветках — черная листва,
Земля прикрыта снегом пошловатым.
Обычный фон под громкие слова,
Сейчас скажу — и буду виноватым
Перед тобой,

Еще не знаю в чем —
Намека нет в твоём печальном взгляде.
Отводишь взгляд. Рассматриваешь дом,
Амурчиков на розовом фасаде.
Его снесут,
Здесь будет выть пустырь,
А вся любовь скульптурных постояльцев
Похожа станет на цветную пыль,
Захваченную кончиками пальцев.
Моя любовь — она ведь что трава,
Сквозь все преграды думает пробиться.
Но ты глядишь на дом — и ты права,
На что еще смотреть, когда за тридцать?

* * *

О любви — никому. До сих пор.
Где-то ждет собеседник-волшебник.
Он неспешно ведет разговор
И штудирует детский решебник.

Он уверен — и это смешно, —
Что с решебником жизнь совпадает,
И сознательно ставит «равно»
Там, где знака «равно» не бывает.

Иногда я перечу ему,
Иногда я могу согласиться —
Он не спросит меня почему,
Перейдет на другую страницу

И продолжит, хватив через край,
И с ответом ответ не сойдется:
Слишком холоден пасмурный май,
Слишком жаркое майское солнце.

Екатерина Гончарова

ПОДРУЖКАМ — ЕЛКАМ

Чудесен вечер тихой теплотой,
Закат уже, а все ни ветерочка.
Хоть мокрый снег обещан, да какой,
И дивно мне, и думаю, не точка
Моим прогулкам поздночасовым,
Я ими долго буду наслаждаться.

Итак, вперед, к застенчивым моим,
К подружкам — елкам, чтоб расцеловаться.
И нежно-нежно выговорить чтоб:
«Как вас люблю», и каждый вечер то же:
Ведь кто вчера утешиться помог,
Кто завтра мне утешиться поможет...
В чужом краю лишь вы мои друзья,
Пушисты ели.
Прильну щекой заплаканною я
И чувствую — уж ягоды поспели
На бывшем месте горестной слезы.
Щека горит, горит от поцелуя.
Чудесен вечер, полон теплоты,
И к елочкам восторженно спешу я.

У БАЙКАЛА

Голодным, жадным взглядом
Вбирала я Байкал.
Он чувствовал и, слабой,
Мне силы отдавал.
Я силы принимала
От солнечной волны,
Которая взлетала!..
Хотелось чистоты,
Такого же полета
Хотелось мне и все!
И не было заботы,
Куда меня несет,
Лишь верила, желала,
Мне вторила волна!
Я силы принимала,
Я молодо жила!

Елена Кулакова

г. Черемхово

* * *

Что-то есть торопливо-вечное
В проплывающем мимо облаке,
Слишком много закономерного
В наступившей в апреле весне.
Ночью — утра жду, утром — вечера,
А в твоём самом вечном облике
Появляется столько неверного,
Что тоскливо становится мне.

Сирена поёт

ЗА ОКНОМ МОИМ БРОДЯТ МЫСЛИ

За окном моим бродят мысли,
Бродят чувства чужих людей,
И сбивает осенние листья
Ворох грустных печальных дождей.
То, что люди давно хотели,
В пустоте висит на весу.
В парке так же скрипят качели,
А дожди приносят тоску.
За окном моим бродят мысли,
Только вечности равен час.
Мы друг друга понять не сумели
Грусть в конце и в начале нас.

Артем Сутырин

г. Иркутск, ИргТУ, энергетич. фак-т

А. АХМАТОВА

Девчонка строкой зажигает сердца,
Другой за собою народ подымает.
«Час мужества пробил на наших часах».
А русское мужество не убывает.
Не страшно под пулею мертвою лечь,
За Родину вовсе погибнуть не страшно.
За Родину стих превращается в меч,
Полки собирает листочек бумажный.
За мертвого сына срываются слезы
И плавают холодную землю у ног.
Ветра не стихают и стонут березы,
Когда человек на земле одинок.
Она огонька не отыщет, погреемся,
Во сне просыпается, спит наяву.
Когда умирает кусочек от сердца,
Мгновенья в тумане куда-то плывут.

Да, здесь ее нет и не будет уже,
Но строки звучат, как и раньше звучали.
И снова ключи подбирает к душе
Все та же девчонка, как в самом начале.

Валентина Фроленко

г. Зима

* * *

Мой город — гравюра
В квадрате окна,
Как на ладони
Зима мне видна:
Крыши, заборы,
Деревьев куржак,
Дым над домами
И солнца пятак.
Небо без краски,
Улиц штрихи,
Сажа на белом
И эти стихи...

Екатерина Трунова

ИГПУ, гуманитарный фак-т, 1 курс

ЭТО ВИДИТ НЕ КАЖДЫЙ

«Все узнали: от славы до розг» —
Злободневной идеей всевидения
Изувечили люди мозг.
А как солнце рыдает, вы видели?

Как оно, закрываясь ладонями
Облаков, свои слезы прячет,
Посылая лучи продольные?
Вы не думали, что это значит?

Так легко издеваться над бедными:
За решеткой они, а ты — около...
Каково улыбаться бледному
Изумрудной улыбкой сокола?

Как ребенку с приюта бездомному
Для себя внимания выпрашивать...
А они, на земле, — люди — темные:
«Солнце общее» — бери и не спрашивай.

Ни привет, ни спасибо, ни здравствуйте,
Только сверху затылки скульптурные...
Ну, что сделаешь? Все люди разные...
Быть должны среди них и культурные?

Екатерина Трунова

Солнце. Девочка. Шарик на ниточке
Неожиданно выхватил ветер,
Побежала по асфальтовым плиточкам
И увидела: солнце светит...

Сколько детского живого участия!
Улыбается солнце ласково.
Вот оно — настоящее счастье,
Разрисовано яркими красками!

Эта девочка вырастет славная,
Жизнь заставит забыть о романтике...
Но смеются глаза — это главное —
Цвета синих конфетных фантиков!

Золотое, велико-могучее,
Жгуче солнце играет над крышами,
Дарит людям самое лучшее.
Солнце больше не плачет! Вы слышите?

ОДИНОКАЯ СОСНА

Жили-были до затопления двадцать шесть илимских деревень. Но началось строительство плотины, и деревни одна за другой стали уходить в воду. Вместе с ними под воду ушли и леса. Даже верхушки высоких деревьев накрывала вода. Но одна самая высокая сосенка высунула свою верхушку из воды. Ее подругам, как и она, оказавшимся под водой, пришлось плохо, они размокли, стали мягкими, некоторых из них повалило волной. Зато одинокая сосенка стала твердой как сталь. Подружки, оставшиеся на берегу, каждый день звали ее и рассказывали, что творится в лесу, как у них дела и, конечно, жалели ее.

— Как прекрасен этот мир! — говорила одна.

— Как приятно пахнут цветы! — вторила другая.

— О, как я рада, что вам хорошо, сестрицы! — отвечала им сосенка.

Каждый день сосна боролась с водой и ветром. Хотя она и закалилась до невероятной твердости, но ей было трудно. Она сильно радовалась, когда летом водохранилище мелело, сушила вышедшую из воды часть, готовилась к длинной зиме. Однажды к ней подплыл молодой окунь и спросил:

— Все плавают, веселятся, а ты стоишь и грустишь. Почему?

— Мне трудно, — ответила она.

Окунек уплыл, но на следующий день снова явился. И так каждый день стал с ней разговаривать.

Но вдруг в один солнечный летний день сосенка почувствовала на себе тяжесть. На ней сидел ворон, который летел через реку:

— Как удобно! Кар-р-р. Прямо на середине реки! Кто же догадался посадить дерево прямо в воду?! Кар-р-р?

— Спасибо! — ответила сосенка. — Но меня никто сюда не сажал.

— Как же ты тут оказалась?

— Меня залило водой.

— Бедная, кар-р-р! — крикнул ворон, улетаю.

На обратном пути ворон опять залетел к ней. Он рассказал всем птицам в округе, что на середине реки есть дерево. Вскоре к сосенке стало прилетать много разных птиц. Некоторые появлялись просто так, а некоторые отдыхали на ней.

Жизнь сосенки наполнилась разговором: птицы щебетали над ней, рыбы рассказывали ей истории из подводной жизни. От этого и ее жизнь стала лучше, веселее. Благодаря этому она и по сей день стоит на середине Усть-Илимского водохранилища. И мир ей кажется раскрашенным всеми цветами радуги.

ЗИМУШКА-ЗИМА

Ноябрь, декабрь, январь, февраль —
Сто двадцать дней, почти полгода.
Таков илимский календарь.
И с ним морозная погода.

Жила-была старушка-зима, и было у нее три сына, три зимних месяца. Решила зима прогуляться по свету, навести порядок и говорит сыновьям:

— Сейчас начало зимы, мне нужен помощник, который украсит нашу землю, наведет порядок, и им будешь ты, Декабрь.

Декабрь удалился от них, сам продолжил свой путь.

— А теперь я хочу, чтоб середина зимы стала лучше начала, чтоб мороз крепче обжигал лица людей. Я думаю, что с этим справится Январь.

Зима и ее младший сын шли дальше.

— Зиму закончить нужно весело, с хорошим настроением. А последним остаешься ты, Февраль! До свидания!

Зима решила посмотреть, как наводит порядок Декабрь.

Дул студеный ветер, падали с неба снежинки одна краше другой: вот звездочки с шестью лучами, вот цветок с шестью лепестками.

Круглые мохнатые снежинки осыпали все вокруг. Старые пни стояли одетые в тяжелые снеговые шапки. Деревья накинули на себя нарядные, белые, как пух лебяжий, красивые шубы. Зима осталась довольна своим сыном Декабрем и пошла к Январю.

С каждым днем крепчал мороз, взрослые прятали свои лица в воротники пальто и шуб, ребяташки не катались на санках на коньках. Все больше сидели дома. Зима обрадовалась мастерству Января. Остался Февраль.

И Февраль не подвел свою зимушку-мать. С утра завывал ветер, мели метели, а днем уже светило яркое солнце, и настроение у людей было радостное: скоро конец зиме. Но зима не грустила: на будущий год снова придет она со своими сыновьями, и снова будут радоваться люди зимней илимской красоте.

Алексей Гарин

г. Железногорск-Илимский,
шк. № 5, 5 класс

КАК МУРАВЕЙ ИСКАЛ В ЛЕСУ СВОЙ ЦВЕТОК

Однажды утром пригрело солнышко муравейник, и вышел из него муравей. Захотелось ему погулять. Пошел он на лужайку и видит: вся лужайка покрыта цветами. Решил он с ними познакомиться. Каждый цветок о себе рассказал:

— Мы — кукушкины слезки. Когда мы цветом, кукушка кукует.

— Я — мышиный горошек. Очень уж сладкий у меня горошек.

— Я — заячий мак. И люди, и зайцы зовут меня так!

Задумался муравей и говорит:

— У мышки цветы, у кукушки цветы, у зайцев цветы. Наверное, и у меня, муравья, есть свой цветок. Только не мак и не горошек, а какой-нибудь другой удивительный цветок!

И пошел муравей свой цветок искать. Долго шел. Устал, пить захотел. Осмотрелся вокруг: ни речки, ни ручейка, ни родничка. Сунул в рот леденец — еще сильнее пить хочется.

— Попей дождевой чистой воды, — прозвенел над головой муравья синий цветок на высоком стебле и качнул к нему чашечку, похожую на колокольчик.

Напился муравей:

— Спасибо тебе, колокольчик!

— И жарку не забудь спасибо сказать. Это он поделился своим леденцом, своей яркой солнечной краской.

— Что вы! — зарделся и еще ярче стал жарок.

Задумался муравей: «Эти цветы меня привечали. Эти цветы меня угощали...»

— Вы, наверное, мои цветы? — спросил он.

— Нет, — покачал колокольчик синей головкой. — Мы ничьи. Мы просто цветы: колокольчик и жарок.

— Какие вы добрые! — сказал муравей. — Можно я завтра опять к вам в гости приду?

— Конечно, — закивали своими головками цветы, — конечно, приходи.

А тут и солнце за тучку спряталось. И муравей понял, что можно стать полезным и ничьим одновременно. Счастливый, он побежал домой, в муравейник.

Лариса Липатова

с. Коновалово, Балаганский р-н

ОСЕННЯЯ СКАЗКА

Осень. Самое красивое время года. В самом слове «осень» слышится что-то уютное, осененное гроздьями рябины, золотом березовой листвы, последними уцелевшими от заморозков астрами, прощальными криками улетающих в теплые края птиц. Утренний морозец, пробирающий до костей, постепенно сменяется припекающим спину солнышком.

Даже воздух осенью какой-то особенный, наполненный ароматами собранного урожая: фруктами, овощами, ягодами. Он как-то особенно прозрачен в эту пору, и с языка так и просится замечательное сравнение — хрустальный воздух. Хорошо в эту пору бродить по лесу. Слышать, как шуршат листья под ногами. Это сам хранитель березовых лесов разговаривает с вами. Только прислушайтесь, и вы узнаете его тайну: если кому-нибудь посчастливится и он попадет в Долину Золотых Берез, то этому человеку никак не обойтись без тайны, которая известна только мне, Хранителю Березовых Лесов.

Один раз в день, ближе к вечеру, когда кукушка откукует 18 раз, в Долину Золотых Берез прилетает маленький ветерок. Он ласково и бережно срывает с веток золотые листья и играет с ними, точно ребенок. Он рассыпает их по траве, он поднимает их в воздух, они смеются, убегая от него, а он маленьким вихрем носится по Долине. Им весело, они забывают про все на свете. В Долине в это время

Мистификация

поднимается маленькая золотая метель. Незабываемое, потрясающее зрелище! Те, кто хоть когда-нибудь видел это, становятся немного сумасшедшими.

Но длится эта игра совсем недолго, каких-нибудь две минуты: хорошее ведь всегда кончается быстро. Откуда-то с неба раздается едва слышимое: «Маленький ветерок, пора спать!» — и все стихает. Ветерок оставляет свои игрушки и улетает, чтобы в роскошной кровати из мягких белых облаков уснуть под звуки маминой колыбельной песни.

А золотые листья, оставленные ветерком, медленно и плавно опускаются на землю, устилая ее золотым ковром...

И снова в Долине наступает тишина и покой. Казалось бы, ничего не произошло, ничего не случилось, но это не так. Если после этого ты наступишь на золотой ковер, то увидишь, что золотые листья на самом деле не листья, а золотые монеты. И если у тебя добрая душа, собирай их столько, сколько сможешь унести. Но открою тебе один маленький секрет: если, набрав этих золотых монет, ты не скажешь Золотым Березам спасибо и не поклонись им в пояс, то наутро вместо золотых монет ты обнаружишь только ворох старой пожухлой листвы.

Ну вот, я поделилась с тобой моей самой главной тайной. А теперь — счастливого тебе пути в Долину Золотых Берез! ...Шуршат под ногами листья — это Хранитель Березовых Лесов разговаривает с вами.

Алексей Федосеев

г. Иркутск, ИГЛУ, 2 курс

СВИДАНИЕ

— Хочешь, я верну тебя на два года назад? — сказала она, глядя мне прямо в глаза. И я, черт возьми, знал, что она говорит правду. Эти карие глаза просто не могли лгать.

Они просто не были для этого созданы.

Глаза, как два водоворота. Казалось — еще секунда, и мне понадобится спасательный круг с крепким фалом для того, чтобы не утонуть в этих бездонного цвета глазах.

И плевать, что море не карего цвета.

Я резко выдохнул.

— Но как?! Каким образом... — и я понял всю несостоятельность своего туповатого изумления.

Просто для нее не было ничего невозможного.

* * *

В жизни все происходит наперекор нам.

Моя бы воля — так всего этого никогда бы и не случилось.

Бы...

Я шел на свидание. С девушкой, которую очень любил...

Море моей любви к ней уже давно затопило все окрестные побережья и продолжало свою необузданную экспансию со все более широким размахом. Материки погружались один за одним.

А когда-то давно, года два назад...

Я ее бросил.
Мы любили друг друга, и бросать эту пагубную привычку вовсе не собирались.
Но, как это происходит всегда, неожиданно-негаданно...
Нагрянуло.
С историей происхождения нагрянувшего я вас знакомить не буду. Тут вы уж без меня придумайте что-нибудь хрестоматийное и душещипательное.
И вот, спустя два года тотального обledenения наших отношений, я шел на свидание.
В условленном месте все еще никого не было, и я потратил битый час на выяснение отношений с пачкой сигарет, пребывавшей в моем кармане.
Пачка уже погибала, когда краем глаза я заметил до боли знакомую походку.
Она все-таки пришла... А это значило одно: не все потеряно.
Даже ее духи, банальнейший «Шанель» с каким-то порядковым номером, когда она подошла совсем близко, пахли для меня как-то по-родному, мягко унося в давно прошедшие мгновенья, когда мы еще были вместе.
— Привет.
— Привет... А ты изменилась... — пробубнил я банальную ерунду. Разговор не клеился.
Да и не мог.
Ведь виноват в давнем разрыве был именно я.
И именно мне надлежало сделать первый шаг.
— Изменилась? — казалось, ее это несколько удивило.
— Да... Очень... Похорошела. Сколько нам было тогда... Время...
— Знаю, летит... Ты тоже. Изменился.
Потом был разговор о прошлом... Очень больно резавший мне душу.
— Прости меня. Я последняя сволочь в этом мире, — занимался я самоедством.
— Ты еще можешь исправиться...
— Правда?! — щенячьему восторгу не было предела. Но...
— Да. Есть два пути: один — уйти в Тибет и там дальше заниматься самобичеванием... И второй: одуматься и исправляться, смотреть на жизнь с хорошей стороны, забыть прошлое... Он трудный, но он для тебя больше подходит, на мой взгляд...
Как чувствует себя щенок, которому сначала показали вкусную косточку, а когда он уже завилял хвостиком, внезапно со всей силы долбанули этой же косточкой его по голове?
— Может быть тогда тебя кто-нибудь и полюбит, — она вложила в удар всю силу. Щенок моей души забился в конвульсиях.
Все.
Теперь я мог идти дальше налегке. Душа была пуста, как пачка из-под сигарет в моем кармане...
Я шел. Море охватила засуха, и на планетке моей души не осталось и капли от былого его величия. Я, наверное, не разобрал дороги. Моя душа была разбита. Дорога тоже.
Я внезапно всем телом осознал, что в России две беды: я и эта дорога.

ТРИ БЕССМЫСЛЕННЫХ РАЗГОВОРА...

Рассвет тихонько прокрался в комнату, погладил кошку, заглянул в ее глаза, остановился на фотографии в металлический рамке на стене и стал ждать.

— Кто ты? — прошелестело из угла.

Рассвет недоуменно оглянулся и заметил серую тень.

— Не знаю.

Рассвет продолжил свое движение по направлению к тени, пытаюсь разглядеть ее. Тень дернулась и спряталась под стол:

— Я боюсь тебя. Не подходи!

— Я не сделаю тебе ничего плохого. Просто хочу взглянуть на тебя.

— Не надо.

— Кто ты?

— Серая тень. Сейчас. А кем была до этого — не помню.

— Где ты была раньше? Я помню всех жителей этого города; может быть, смогу тебе помочь?

— Нет. Раньше я не жила в этом городе... Уходи.

— Не могу, еще время не пришло.

Совершенно бессмысленный разговор, не правда ли?

— Кто ты?

— Я была ангелом. Теперь не знаю...

— Где ты жила?

— Нигде.

— Как же ты тогда оказалась здесь?

— Влюбилась в человека.

— Разве ангелы могут любить?

— Такие, как я — могут.

— Какая ты?

— Серая...

Разговор, не имеющий смысла еще больше, чем предыдущий, так ведь?

— Как тебя зовут?

— Раньше звали Ольга...

— Теперь?

— Никак.

— Меня зовут Рассвет. Я живу здесь всего пару часов.

— Я уже второе тысячелетие нахожусь в этой комнате.

— Тогда почему тебя раньше не было видно?

— Потому что раньше я не любила. А сейчас... сейчас люблю серого ангела.

Мне говорили, что он живет здесь.

Вам не кажется, что чем дальше, тем все более бессмысленным становится разговор?

Рассвет замолчал...

Его время уходило...

— Сегодня мой последний день, — сказала тень, — я уже не смогу его найти здесь и, исчезнув из этого мира навсегда, уйду в следующий. Буду искать его там.

— А если и там не найдешь?

— Пойду в следующий. И так до тех пор, пока не найду его.

Времени оставалось все меньше и меньше...

— Что будет, если найдешь, а он тебя не узнает и не сможет полюбить?

— Значит, я ошиблась и придется начинать все заново...

Осталось всего каких-то пару секунд...

— Тень!..

Но его время истекло, пора было уходить. Рассвет исчез из комнаты, чтобы появиться в ней завтра...

Тень подождала немного и вылезла из-под стола. Расправила свои крылья и вышла в окно. Искать Серого Ангела... уже в другом мире...

Прошло еще немного времени, стрелка часов переместилась ближе к восьми часам утра. Кто-то вошел в комнату. Кошка недовольно повернула голову — опять спать мешают. Вошедшим оказался парень с длинными светлыми волосами и прозрачными голубыми глазами. Тень бы... Впрочем, это уже неважно.

Она больше никогда не вернулась в эту комнату, а он никогда не узнал, что она была здесь. Тень его так и не нашла ни в одном из миров и, в конце концов, потеряв всякую надежду, стала осенью во всех мирах. И он навсегда полюбил это время года, не зная о ней ничего...

А Рассвет?.. Рассвет продолжал жить, как жил, только теперь он никогда не заговаривал с тенями. Через несколько тысячелетий он стал немым; старался все забыть, но комната, в которой появлялся каждое утро, не давала ему сделать этого. Его жизнь стала вечной пыткой. Из них троих только он знал, кого искала тень....

ТОЧКА, ТОЧКА, ЗАПЯТАЯ...

Посвящается всему тому, что было, будет и есть.
Всем тем, что были, будут и есть.

Точка, точка, запятая, палка — рожица кривая... Девчонка с двумя белыми бантами рисует на асфальте рожицу... играет в классики, поет... не знает, что ее ожидает... она абсолютно счастлива... родители живут вместе и, кажется, даже в любви... у нее есть очаровательная младшая сестренка и куча подруг... сейчас светит солнце и мела осталось еще много... поблизости нет ни одного мальчишки, и некому отобрать у нее скакалку... точка, точка, запятая... тихий домашний дворик... осенняя листва засыпала все вокруг... девчонка идет в школу... два белых банта и букет красных цветов... младшая сестра в тайне завидует... счастливые родители... новые лица, новые люди... новые взрослые... любимый розовый заяц... пока еще новый и с двумя ушами... учебник для чтения — один на двоих... 5 уроков... Забрать сестру из детского сада... «Я уже почти взрослая!!!» Начинает портиться зрение... родители этого еще пока не замечают... класс: детское обсуждение взрослых проблем... новые подружки... забывание старых... «Солнышко, с сегодняшнего дня ты будешь учиться играть на фортепиано...» $7 \times 7 = 49$... до... $5 \times 5 = 25$... ре... а сколько будет 9×7 ? Первые двойки... злорадство младшей сестры... фа... забрать из детского сада... Жи-ши... лето... — день рождения... бабушка... такая родная... море!!! 3... Забрать из детского... сестра... до... первая серьезная болезнь... ре... больница... первый выдуманный... Оказалось навеки... лекарства... розовый заяц... уже одноухий и порядком грязный... Отстала... родителей в школу... двойки... ми, фа... Шопен... Случайно подслушанный разговор... «да. Хорошо... как зовут классного руководителя?..» соль... «Мама, я не хочу в новую школу!!!» «Зайчик, тебе там будет лучше...» точка... Белый верх, черный низ... красные цветы... новые люди, новые лица... новые взрослые... очки, которые она еще пока стесняется носить... первая парта... пожизненно... выговоры... бескрайняя любовь к книгам... как хочется лет и солнц ... Бесконечные гаммы и этюды... сестру из сада... первые прочитанные толстые книги... пока еще приключения... Отвести в студию... «Мама, я хочу учиться рисовать... а еще хочу в кружок мягкой игрушки... и мне надоело пианино...» к тому времени ей уже

Мистификация

купили свое... большое черное... домашние концерты перед родственниками и знакомыми, как приговоры... «Леночка, как она у вас хорошо играет!!!»... первые ослики и ежики... еще пока неуклюжие, неаккуратные... Кошка... первое домашнее животное... долгие командировки отца... серьезные ссоры родителей... сестра... достала... мешает... лето... Бабушка... день рожденья... море??? нет... сестра пошла в школу... всеобщая суматоха по этому поводу... длинные очереди в глазные поликлиники... «Очки на постоянное ношение, раз в два месяца на обследование»... практически приговор... -5,5... -6... Книги... пианино... горы домашнего задания... переезд в новый район... Запятая... Новый год... первый до утра... поликлиника... «нужно... операцию... «давайте весной»... «папа, ну где же ты? Почему не приезжаешь?» каникулы... операция... два дня в больнице... красные глаза... страх... литература... математика... физика... англ. яз. ... первые фенечки... лето... как будто и не было... первая любовь... первые слезы... первый раз разбитое сердце... «ваша девочка слишком много читает... с головой ушла в выдуманный мир»... «у нас каждый день новая толстая книга...» Это уже диагноз... «Не помогла... падает.....-7... -7,5... палка... Об отце уже даже не вспоминает... старается матери не напоминать... бабушка... такая родная... Виктор Цой... а кто это? фенечки... гитара... первые корявые стихи... выброшены... предательство... We all live in a yellow submarine... Агата Кристи?... ДДТ... Искреннее непонимание и недоумение со стороны матери... «Хочу, чтобы ты поступила в девятый класс, в Лицей ИГУ»... рожица кривая... новые люди... новые лица... страх... -8... больница... 9... первые пары... книги... в еще большем количестве... «Я тебя люблю... А я тебя нет...» Так же равнодушно, как тебе когда-то... Театральная студия... -9... гитара заброшена... ночи напролет за книгами... экзамены... пятерки... море... Фенечки... Янка... 10... «А где твой отец? — не знаю...» Непробываемое одиночество... «Одинокая фигура возле шиферной струны...» 2 Net... стихи... снова... Сжечь... руки не доходят... Палка... Курсовая работа... Толкин... «Я тебя люблю... — Да пошел ты...» Показная грубость... безразличие... так легче... кажется... Daddy stay home... хотя... привычка ходить в больницу... больные почки... вопрос об операции... да пошли вы... «Мамаша Кураж»... Нет... нельзя... будет больно... главная роль... отдала всю... «Весенняя капель...» обида... кажется, нашла настоящих... но об этом нельзя вслух... Пилот... 11... -9,5... больница... стихи... свои, чужие... «Отпусти, пойду...» Больница... стихи... скоро выпускной... гитара... снова книги, уже не те, что раньше... Башлачев... «Тема порога... тема роста»... Выпускной... скоро... да, настоящие... может быть... курсовая... Булгаков... письма... «Театральный роман» — любовь на всю жизнь... Палка... экзамены... сочинение... выпускной... «Помните, что ЭТО ВАШ ЛИЦЕЙ»... Ночь... пасмурное утро... день... Атракцион Воронова... «Игорь !!! С восьмого класса не виделись... Ты куда поступать собрался?»... «Аризонская мечта»... Хоть сейчас с моста... а вода манит, затягивает... вступительные... «Я повторяю 10 раз и снова...» Недобрала... платно... I hate myself and want to die... ода... как же она тянет... фиг тебе, а не Байкал-Шаман... три дня в городе... одна... Булгаков... «Черновики МиМ»... суббота 14-00... возле «Ливерпуля» АВ... girl in red... Хотя и в оранжевом... солнце, лето... фенечки... гитара... стихи... проза... чего?... «Мы вернулись — ну как? — то не телефонный разговор... завтра у Дашки»... суббота 14-00... Ливерпуль... Август... День рожденья... «Следы»... «Димка! Я тебя обожаю!!!!!!!!!!»... 26, 27, 28, 29, 30... 10-00 — иняз... «Как же рационально учиться в университете?!» — первые дни... чушь, но интересная... новые люди, новые лица... группа... лучше бы не встречались никогда... что за... (вырезано цензурой) на палубе!!! Огуречик, вот и вышел человек?..

С ВЕРОЙ В ДОБРО

Юность — тот возраст, когда душа ярче всего раскрывается в стихах. Пытаются их писать многие, но не у каждого они перерастают в Поэзию.

При подготовке литературных вечеров я прочитала немало стихов — признаний и познакомилась с их юными авторами. Одни из стихов поразили меня своей гражданской зрелостью, другие — тронули нежностью зарождающейся любви...

Еще слабые ростки поэтического таланта нуждались в уходе опытного мастера, и я попросила хорошо мне знакомого поэта Валерия Михайловича Игина взять ребят под свое крыло... Валерий Михайлович ответил: «Быть добру!»

Так в 2000 году при центральной районной библиотеке родилась литературная студия «Быть добру!». И не удивительно, что за столь небольшой срок ребята не раз были участниками областных Дней литературы, различных конкурсов, где получили благоприятные отзывы.

Какая ожидает творческая судьба представленных начинающих поэтов? Говорю честно — не знаю. Но одно знаю твердо — миру Поэзии они не изменят никогда. В чем и как дальше это будет выражаться — покажет время. Хочется пожелать, чтобы творческое вдохновение было неиссякаемым, чтобы отношение к Слову было всегда молитвенным!

*Н. Каланчина,
сотрудник Яковлевской районной библиотеки
Белгородской области*

*В. Игин,
член Союза писателей России*

Елена Асеева

* * *

Палитра снов моих прекрасна,
На ней все краски — яркий свет,
Каких не сыщешь в небе ясном,
И на земле их тоже нет.

Они — живое воплощенье
Моей мечты о мире том,
Где и покой, и вдохновенье,
И мы счастливыми живем.

Жаль, сны уходят безвозвратно,
И просыпаться суждено,
И целый день идти к закату,
Чтоб занавесить вновь окно...

Лиана Галечян

* * *

Красота вокруг, как в сказке,
Не пойму: где — явь, где — сон.
Кто придумал эти краски —
Март, апрель иль небосклон?

Разгадать цветенья тайну
Трудно мне в шестнадцать лет.
Если вдруг принцессой стану —
Сам собой придет ответ!..

Марина Дрокина

ПРИДИ...

Не опоздай! — шепчу я в тишине
Своей печальной комнаты без света.
— Приди, желанный, поскорей ко мне,
И я поверю, что любовь бессмертна,
Поверю, что наступит воскресенье
Поры и вечной, и весенней...

Денис Нурутдинов

* * *

Тридцать первое, март, поздний вечер...
Что сегодня подаришь, судьба?
Размышленья, желание встречи
Или ту, что так любит себя.

Может кто-то в тиши полуночной,
Вспоминая о прожитом дне,
Все томится в тоске непорочной,
Что ушла от себя — не ко мне...

Анна Ухань

* * *

Не знаю — много или мало,
Не знаю — рано или поздно,
Ты для меня остался «самым»,
Я для тебя осталась «просто».

Ты подарил мне быль и небыль
И отрицать того не станешь.
Но нам расстаться выпал жребий,
Прости, что ты пока не знаешь.

АДА, ИЛИ ФЛУКТУАЦИЯ

С самого детства она была — чрезмерно блестящие глаза на тоненьких ножках. Когда-то эти глаза умели подозрительно вспыхивать под линзой слезинки, смаргивать ее и закрываться в плаче. Обидеть девчонку — раз плюнуть, сдачи она давать не умела. Зато и прощала своих обидчиков быстро и охотно, причем для этого вовсе не нужно было просить прощения. К ней подойдут, заговорят, как ни в чем не бывало, она моментально отгадет, моргнет пару раз и встряхнется.

Как одноклассники расчихали эту подозрительную доброжелательность, подколам, подставкам и беззастенчивым эксплуатациям не стало конца. То «Дай списать!», то «Тебя к директору вызывают!», а она идет, ни сном ни духом, что у директора как раз совещание с представителями роно, и потом очень смешно, когда на линейке директор говорит: «Вовсе распустились! Ученики в кабинет директора входят, как к себе домой!..» И так далее.

Мало-помалу вся школа про блаженную узнала.

Первый раз дело было так: повели 7 «Б» табуном в кино. Пока у кинотеатра по осенней погодке начала сеанса ждали, выяснилось, что одна из классных заводит потеряла билет. С какого переляху ей это удалось, никто не уточнил, и слово «шляпа» не прозвучало, зато кто-то умный кинул клич, что без одного члена коллективу на культурном мероприятии делать нечего. Пионервожатая услышала ребячьих разговоры и умилилась (ее собственный вечер обещал освободиться для приятных взрослых дел), прочитала деткам поэму о святости уз товарищества и приоритете общих интересов над частными. И не попал бы класс в кино,

если бы блаженная внезапно, особенно взблеснув глазами, не протянула разругавшейся от стояния в эпицентре внимания заводиле свой билет: «Иди!» Она и пошла. И тридцать человек с нею. А тридцать вторая — домой на троллейбусе. Ей вслед никто слова благодарности не кинул. Недовольной дурацким благородством осталась одна лишь пионервожатая.

Позже, сильно позже, она вспоминала тот культпоход с гадливой гримаской и рассуждала: ну, тогда я маленькая была, глупая, я, конечно, выросла, я уже никогда так не поступлю, мое сердце ожесточилось.

Ее лучшая (впрочем, и единственная) подруга за месяц до выпускного вечера надумала травиться. По схеме, проверенной поколениями: первая любовь, самозабвение, он пошел с другой... Ревнивица взяла из домашней аптечки все таблетки, что там хранились, разжевала и выпила, залив лимонадом «Буратино». Естественно, взрослые были на работе. А когда девку начало «космосить» и проче всяко тошнить, она в панике набрала по телефону не 03 и не материну работу — подружкин домашний номер. И блаженная прибежала, трясясь, — она не собиралась быть врачом, ее как-то привлекала радиоинженерия и смежные специальности. Но ума на то, чтобы влить в зеленую подругу почти два литра крепкой марганцовки, хватило. Потом блаженная говорила, что просто вспомнила, как ее выхаживала мама после случайного отравления консервами. Отравленная чуть не выметала в унитаз все кишки, но дыхание ее стало ровнее. Тем временем спасительница нашла выпотрошенные облатки и все-ррез призадумалась, можно ли умереть

от большой дозы аспирина и одной упаковки анальгина. В этой семье не жаловали химикаты, лечились по-старинке, папаша — так водочкой.

Вместе с облегчением к несчастной влюбленной пришло раскаяние перед предками, страх расстроить их... Конечно, блаженная и тут оказалась на высоте — привела ее домой, сплела своим какую-то убедительную историю, ближе к вечеру из автомата позвонила подружьиным родителям и выдала другую историю, в которую те тоже поверили. И пустые упаковки из-под лекарств именно она вынесла из квартиры в кармане и выбросила через три двора. Опять же — глянуть вперед... — все хорошо кончилось. Эти двое на втором курсе института, куда поступили синхронно, зарегистрировали законный брак. Удачный. Родили двоих детей. Иногда приглашали в гости бывшую одноклассницу. Изредка жена вспоминала тот случай с усмешкой: «Вот, поди ж, как я могла! Уписаться можно. Правда?» Подруга усмеялась вместе с ней. Никогда и никто не узнал, как сохла она по теперешнему отцу семейства, роковой фигуре выпускного «Б».

В том самом классе немногие раскусили, что блаженная умеет и в самом деле дарить блаженство. Слова «энергетический донор» стали модными лет через пять после того, как она закончила школу. Было просто звериное ощущение: поручи что-то делать блаженной — это выгорит. Сядь возле нее на контрольной — свой вариант проглотить, как халву. Выпроси у нее на один урок учебник — это будет твой звездный урок...

Звали ее Ада. В школе звали никак. «Эй, ты!» — и все. Ну, как правило. Да и Аллах бы с ней, со школой...

Институт выбирала подсознательно, словно пыталась скрыться от людей, уйти к железкам, микросхемам, транзисторам. Не тут-то было.

Из первого же колхоза сопровождала в машине скорой помощи сокурсника, что хорошо подрался с механизаторами. Разумеется, из-за девчонки. Разумеется, не из-за Ады. Только та, чью честь защищали, прикинулась ветошью и не захотела лишней головной боли. Поэтому Ада отвечала в приемном покое БСМП на вопросы дежурного врача и выслуша-

ла немало нотаций в свой адрес: что девицы в колхозы ездят юбками крутить, а о последствиях не думают.

— У него что-то серьезное? — спросила она, когда врач устал брызгать.

— А ты думала? — огрызнулся он. — Сотрясуха у парня!

Ада коротко, трагически вздохнула.

— Ну, ничего, — смягчился вдруг врач. — Вылечим, бывает хуже. Оставляемый Адой на больничной койке парень приоткрыл глаза.

— Оле не говори, что все серьезно... Успокой ее, ладно?

Ада обещала. И выполнила обещание.

Весь курс знал, у кого можно скатать лекции, практические и попросить подготовить «бомбы» к экзаменам. Ее участие в учебном процессе гарантировало всему окружению везуху. А сама она скакала с «удовлетворительно» на «отлично» и периодически обрастала хвостами.

Глаза ее были твердыми и блестящими, как кристаллы горного хрусталя неопределенного цвета. Теперь уже они не могли выточить из своих недр ни единой слезы. Странное возникало противоречие: сама мягкая, как нежные детские волосы, характер податливый, а взгляд будто бы жесткий, горящий изнутри.

Бывшей ректорше института, старой деве без каких-либо родных, исполнялось 80 лет. Декан конструкторского факультета, на котором Софья Абрамовна начинала свой тернистый путь в науку, извелся в поисках варианта поздравления, ибо старуха была властолюбива и капризна, плохо передвигалась даже по квартире и наотрез отказалась от торжественного митинга, уколов его при этом десятком шпилек: показуха, лицемерие, фальшь... В лысый лоб декана всплыла последняя отчаянная идея: визит благодарных студентов в старухину профессорскую квартиру. Был составлен список добровольцев, в который, само собой, попала и Ада. Разумеется, в назначенный час у пяти поздравляющих приехали родственники, заболели родители, потекли трубы в квартирах, случились неотложные встречи и у еще одной девушки — определенные дамские неприятности. Так что с купленным за счет института букетом и приобретен-

Мир прогнил

ным за свои тортом в дверь позвонила одна лишь делегатка. Старуха встретила ее гневно, но через полчаса...

— Милая, — сказала она, все еще картавя, — у тебя такое лицо, что я хочу рассказать тебе всю мою судьбу, и я голову даю на отсечение, что такого романа ты еще не читала. И не прочтешь, потому что я не согласна на старости лет дрожащей рукой писать мемуары, которые в этом городе способны понять два человека, а во всей России — двадцать два. Я лучше просто поделюсь с тобой...

Софья Абрамовна была права: эдакую судьбу нельзя было на начало восьмидесятых описать пером: цензура не дремала. И Ада слушала про лагерь, этапы, уводившие Софьиных родственников, пятую графу, три «не» — не принимать, не увольнять и не повышать — до первых петухов.

— Спасибо тебе, милая, — растроганно заявила ректорша, когда радио проиграло полночный гимн. — Я понимаю, что молодости скучно со старостью...

— Вообще нет, — стирая непроизвольную слезку, ответила Ада.

— Тогда хорошо. Я вижу, ты не врешь... Приходи еще, дружок, я буду помогать тебе, что в моих силах. Я не зря боролась за этот институт, хотя, веришь ли, перед твоим приходом думала: мое детище, холера его побери, не доставляет старой Софье никакой радости. А если в нем есть еще один человек вроде тебя, я не зря старалась...

До самой смерти, последовавшей почти через десять лет с того дня рождения, Софья Абрамовна звонила Аде к каждому празднику, и бывшая ее студентка неизменно выбирала время прийти и посидеть со старухой вечером. А потом еще помогала хоронить безнадежно одинокую женщину... точнее, это институт помогал своей выпускнице 1988 года с похоронами ректора-основательницы.

— Ты знаешь, — сказала ей некрасивая сокурсница на четвертом году совместного обучения, — я люблю Серосовина.

— Его все любят, — почти легкомысленно откликнулась Ада.

Серосовин, похожий на Дон Жуана в старости, преподавал теорию основ электротехники и пользовался неумеренным успехом среди как отстающих,

так и передовых студентов. Первым было очень легко в силу личного обаяния сдавать нелегкие экзамены. Вторые не пользовались такой возможностью, но не могли устоять перед волной мужеска шарма, исходящего от немолодого уже плейбоя. «Ах, ах! — старомодно звучало в институте. — Душка Серосовин, лапочка Георгий Павлович!». Считалось модным и бонтонным обожать душку. Ада, третий пол, своими лучезарными глазами наблюдала обожание со стороны, и ни одна душа не знала, как она относится к Серосовину.

И вот несимпатичная Татьяна — в очках и кожных дефектах — призналась Аде в любви к Серосовину. И голос, и глаза ее не соответствовали легкости Адино ответа, и та моментально устыдилась.

— Ты не равняй меня со всеми! Я, может, только на него в своей жизни ставку сделала!.. — нотки разговора отдавали близкой истерикой.

— Успокойся, ничего же еще не потеряно.

— Да-а? А ты знаешь, что от него три жены сбежало?! Ты тоже хочешь сбежать?

— Дура! Я считала, что ты человек! Я бы от него никогда не сбежала!..

Аде пришел в голову простой вопрос: зачем ты, Таня, мне все это рассказываешь и чего ты от меня требуешь? Они долго стояли в дамском туалете между этажами, и Татьяна изливалась в речах, похожих на безумные слезы.

После четвертой пары Ада сидела в холле перед гардеробом, усиленно делая вид, что у нее здесь важное дело.

Доцент Серосовин перекинул через руку пижонский плащ, поклонился гардеробщице — та мило расцвела — и направился к выходу.

Ада скользнула за ним. Недалеко от троллейбусной остановки окликнула. И выдала иронично приподнятым бровям над усталыми глазами любителя жизни тайну сокурсницы, которую даже не считала подругой.

— Я знаю, — с наивностью раннехристианской святой заявила она, — что вы играете со всеми студентками в такую замечательную игру, как обожание: они вас обожают, вы им это позволяете... Такой расклад ролей очень приятен

любому мужчине. Но разве не важнее, чтобы с тобой не играли в любовь, а по-настоящему любили?

— Милая моя, — ответил доцент, который был значительно прагматичнее Ады, — мне сейчас важнее оставить в стороне принципы, по которым я живу уже почти полвека, и понять, какое вам-то дело до эмоций этой милой девушки?

— Мне... — растерялась Ада. — Не знаю... Просто ей плохо, а я не люблю, когда кому-то в поле моего зрения плохо...

— Вы удивительное существо, — сказал на это Серосовин. — Вы даже не понимаете, насколько вы уникальны. На фоне людей, кому своя рубашка ближе к телу, вы сразу же выделяетесь, и любой может вами манипулировать, стоит лишь показать вам, что ему плохо. Спасибо вам за искренность, я тронут вашим поступком. Не исповедью вашей... кгм... подруги, а вашей бескорыстностью, простотой, детской смелостью. Знаете, милая, я дам вам один совет: не будьте так расположены к людям. Подавляющее большинство нас этого не стоит. Вас высосут и выбросят, простите за грубость. Ведь никто никогда не интересуется, плохо ли вам, верно?

Аде не хватило сил кивнуть. Но именно в этот момент кандидат технических наук Георгий Павлович Серосовин отметил странный феномен, который невозможно было объяснить законами физики или иными правилами материального мира: из глаз странной студентки брызнул фонтанчик света, но быстро потух между лицами мужчины и девушки.

— Спасибо за совет, — наконец обрела блаженная голос. — Но все-таки я хочу, Георгий Павлович, чтобы вы знали об отношении к вам Татьяны. Кто знает — вдруг вам это знание пригодится... Простите, конечно, за дерзость, и за то, что время отняла. Я пойду.

Она пошла, а вслед ей раздали слова Серосовина:

— Ну тогда пусть и у вас останется одно знание: если бы я еще мог кого-то из женщин любить, хотя бы воспринимать серьезно, а не был таким ярым циником, я бы предпочел из них всех только вас. Но уж никак не Татьяна, поверьте.

Более интересного признания в любви Аде не довелось слышать никогда.

Татьяна вскоре забрала из института документы, что в принципе на четвертом курсе сделать крайне сложно, но она сумела. И — согласно извивам потайной психологии — все время до своего ухода избегала Аду, но преданно таскалась за Серосовиным, сфокусировав его в своих бифокальных очках. Так что причина дикого поступка студентки была, как секрет Полишинеля, у всех на ладони, и кому какое дело до того, что Ада хранила ее тайну святее, чем свои.

На вечеринке по поводу сдачи го-сэкзаменов, когда все участники здорово напились, некто Сомов внезапно словно впервые увидел Аду.

— Слушай, ты ведь классная девчонка, ты всем всегда «бомбы» писала!.. Ах, как жаль, что я год назад женился!.. Где были мои глаза?..

Ада посмеивалась. Ее взгляд переливался, как опал-арлекин на бархате.

— Слушай, — резко сменил тему Сомов, — а твое имя?.. Главное в тебе — это имя! А у тебя случайно нет сестры — Раи?

Такому повороту даже блаженная изумилась:

— Ты это к чему, Саша?

— Если бы у тебя была сестра... да еще похожая лицом... но с совершенно другим характером... Если бы у тебя была сестра Рая, я бы вместо диссертации написал бы о вас книжку. Прикинь, «Повесть об Аде и Рае»!

— Так где же я, — раздумчиво спросила Ада, прокатывая слова на языке, — в аду или в раю?..

Никто не смог ей ответить.

А потом родители устроили ее на завод, успешно избежав капкана распределения. Наверное, то была единственная поблажка судьбы.

Потом была перестройка, вхождение в рынок, скачки цен, перемена всего вокруг, кроме характера Ады и ее глаз — твердых и блестящих, точно кристаллы. Только со временем они перестали походить на горный хрусталь — заискрились уже вроде бриллиантов.

Любовь? Любовь Ады? Сколько мужчин прятали лица в ее маленьких ладонях, а боль — в ее эластичной душе, сколько пьяных слез орошало ее колени,

Мир прозы

сколько причудливых историй жизни от тех, кого любила, она выслушивала и хранила мягким молчанием — и ровно столько же было расставаний. Когда с прощениями по форме, с робкими просьбами извинить, не держать зла, когда и вовсе безгласно, так же резко и неуловимо, как осень сменяется на зиму. Засыпаешь в ноябре, при дожде и слякоти, а просыпаешься в декабре, среди хрустальной красоты деревьев, и осознаешь, что тот, кто вчера еще клал тебе руку на плечо и обещал всегда поддерживать и защищать, сегодня уже не придет. И не появится отныне.

Каждая препарированная от груза вин и забот и набальзамированная лаской и пониманием мужская душа стоила Аде... ну, чего она стоила, знает Бог один, а внешне все выразилось в повышении люминисцентности взгляда.

Один человек, спасенный Адой в момент постразводного кризиса, сказал ей на прогулке:

— Я лучше тебя не знал, не видел женщины... И не хотел бы знать, клянусь! Подобных тебе на этом свете нет. Я, наверное, тебя люблю... Но знаешь... есть еще земные бабы, вроде моей жены... бывшей... Они больше тебя нуждаются в мужчинах... И я знаю, каким я сейчас выгляжу в твоих глазах...

В ее глазах он выглядел — отражался — маленьким, далеким, с непропорционально маленькой головой, плоским темноватым силуэтом. Ада молчала так, что монолог пресекся, и человек понял — пора уходить, его отпускают. Но в миг последнего взгляда на слегка склоненную голову женщины ему почудилось нереальное — каждый волос из числа схваченных заколкой в пучок испускал небольшое сияние, которое составляло нимб. В глаза Аде после нимба он взглянуть побоялся.

Открылись церкви — и Ада стала частой гостьей в них. Редко отстаивала службы и не соблюдала, по отзывам близких, постов, но приходила, обычно вечером, покупала свечи и застывала перед образом Спасителя, глядя ему прямо в очи.

Работая по специальности, Ада, конечно уж, денег лопатой не гребла. Но в карманах ее всегда лежала мелочь, остающаяся от покупок. Она даже ме-

няла купюры на монетки. Чтобы всегда, лишь услышав гундосое: «Подайте, Христа ради!» — подать. Не все нищие на ее пути были опереточны, кто-то и вправду нуждался в поддержке и участии. Ада подавала всем. Без разбору.

В одну Пасху у нее в кармане кончилась мелочь на середине шеренги страждущих. Ада беспокойно прошарила карманы, но не нашла больше размена, а к ней тянулся с десятков рук, и звучало вокруг перебойное стрекотание: «Христа ради... на лечение... С праздничком вас, красавица, со светлым Христовым Воскресением!.. Подайте сколько можете. Господь вас благослови...» Вся лучающаяся (но это, наверное, оттого, что апрельское солнце заливало ее светом), она пошла на сделку с совестью — вынула из кошелька последнюю купюру и заявила:

— Простите, православные, других денег нет — подам одному, вы как хотите, так и делите!

И положила денежку в единственную мужскую длань, нагло маячившую перед самым ее лицом. И посмотрела на ее обладателя. Высокий, плечистый, черный, продуманно неухоженный, он пробормотал стандартную формулу благодарности.

— Дай вам Бог нормальной человеческой работы, — сказала ему Ада и пошла прочь.

За церковным двором ее настигли шаги.

— Девчонка, — сказал нищий тридцатилетней Аде, — что-то ты со мной сделала, сам не пойму — место хлебное оставил, за тобой побежал, пару слов сказать... Займут мое место, шакальня, да я им займу!..

— Что говорить? — пожал плечами блаженная. — Идите, пока не застолбили ваш пост. Вам лишние конфликты к чему?

— Да не бойсь, у меня тут все схвачено. Боятся — значит, уважают, — хочотнул он. — С тобой хочу потолковать. Добрая ты не по-людски. Ты что ж, правда решила, что у меня работы нет? Разуь глаза: вот это моя самая лучшая работа и есть. Когда охота есть, калеку изображаю, и в день, веришь, нет, поди, больше, чем твоя зарплата, уношу... Ты кем работаешь-то?

— Инженер, — призналась Ада.

— А-а, ясно, двести тысчонок?

— Триста.

— Ну и я говорю — это разве деньги? А сегодня, в Пасху, только гнида последняя не подает, так я даже увечье выкомаривать не стал. Я умею — знаешь как? На нарах учителя хорошие, я любую внутреннюю болячку могу замастырить, ну, чаще всего под припадочного кошу... А что? Я ж когда-то в медучилище учился, медбратом мог бы стать, да по пьяной лавочке на хулиганку загремел. Дали условно, мне б, пеньку, прижухнуть, а я волю дал... как это говорят... чувствам... Ну, короче, за рубль за семнадцать уехал лес валить на восемь лет... потому что еще за первую судимость накрутили... С тех пор одно знаю: где бы ни работать, лишь бы не работать, потому — намахался за эти восемь лет на две жизни.

— Зачем вы все это мне рассказываете? — тихо спросила Ада.

— А хрен его знает — хочу рассказать, и все! То ли от людей отвык, то ли доброта твоя глупая меня как проткнула. Ты чего ж тысячными-то швыряешься? А дома, поди, сухой хлеб жуешь...

— Это мои проблемы, — ответила Ада. — А за мной вы побежали, уж простите за нравоучение, знаю почему. Потому что тошно вам болячки у паперти мастырить и под припадочного косить, хотя и больше моего оклада в день имеете. Потому что пропиваете и прогуливаете подачки эти. Все, что я могла пожелать, я пожелала, и смешно надеяться, что вы мои слова всерьез воспримете. Но когда я вас снова увижу, все равно подам... а вы возьмете.

Она шла от храма, по-особому выпрямившись, и, хоть красивой никогда не была, но с каждым шагом неуловимо хорошела, переливаясь прелестью, как облако солнечным отсветом. Но, конечно, дважды судимый вернулся на свое нагретое место и уже успел ободрать костяшки кулака о зубы настырной старушонки, что потеснила его, и не мог он видеть, как за странной девчонкой бежала по земле, как волна, огнистая тень. Пробежала да и сгинула.

Кульминация нагрнула неожиданно.

На кладбище при той самой Успен-

ской церкви, нарядной и простой, как сельский праздник, уже почти двадцать лет лежал Адин дедушка по материнской линии. Внучка запомнила его дряхлым человеком с дрожащими руками, губами — весь облик его точно постоянно трясся в невысказанном страхе. Был он немногословен и старался быть незаметным, с маленькой Адой редко гулял и не знал, что такое детские игры. Жила в нем еще одна странность — избегал фотографироваться, и от прежних лет его остался только один фотографический образ — студента в кепке набекрень. И то фото, говорила мать, бабушка сохранила, а не дед. В общем, когда он умер, школьница Ада была крайне удивлена, узнав, что дед не дожил до шестидесяти — для девочки он всегда олицетворял беззащитную и бесповоротную старость. Но любила она его искренне, ибо иначе не умела, и на похоронах сперва плакала, и вдруг, уже перед закрытием гроба, под занавес скудной церемонии — как жил, так и ушел, — увидела, что коричневое лицо деда впервые спокойно и мирно. Ада поняла, что старика впервые отпустила мука, прошедшая с ним всю грустную жизнь.

Много позже, подстегнутая волной разоблачений сталинизма, мать все прояснила: дед имел глупость в конце сороковых закончить естественный факультет пединститута, замахнулся в горячке молодости на научную деятельность и узнал, что генетика — это продажная девка империализма. Но не поверил и попытался оспорить линию партии... То был первый и последний смелый поступок этого человека. Ибо поправляли его ошибку в местах не столь отдаленных. Кампания по развенчиванию генетики прошла, пострадавших реабилитировали, но то, что будущий Адин дед увидел за Уралом, на веки вечные превратило его в тень человека. Тень вернулась в родной город, с ужасом открестилась от возможности вернуться в русло прежней работы и заняла место слесаря в ремонтных мастерских — по специальности, полученной в лагере. Она нашла жену, родила с ней дочь, а вся дальнейшая жизнь семьи потекла словно бы без ее участия.

Вот все и стало на свои места. Аду потрясла эта повесть о потерянной

Мир прозы

жизни. И с тех пор она полюбила ходить на кладбище, к могиле деда, и разговаривать с ним, со студентом в лихо заломленном головном уборе. Начав работать, она приплатила могильщику, и тот соорудил ей простейшую скамейку в головах деда. С тем пареньком ей было живо и интересно. Он один слушал долгие внучкины рассказы о несостоявшихся Любовях — только тот, у кого отняли жизнь, мог понять ее. Он один не журил, что Ада, как дура, раздаёт себя людям без остатка — у него это не вышло, может, хоть у нее получится...

После Пасхи Ада пришла убирать могилу, на которую кто-то свалил мусор от явственной гулянки. И увидела на своей скамейке постороннюю фигуру. Подошла, не испугалась. Она вообще давно уже ничего не боялась. Могла возвратиться домой за полночь, пешком, неся на губах смутную улыбку. Знала — люди не обидят ее физически, ее крест — нести бремя чужих горестей. Было раз, что шофер поздней попутки, везя ее с вокзала, излил все, что наболело, про жену, которая надумала разводиться, и про дочь, без которой невмочь. Было и так, что пристал пьяный с дурными намерениями, а потом долго каялся, что мать живет в пригородном селе и зовет домой непутевого сына, который пропил все, что сам и зарабатывал, а ему стыдно показаться перед нею. Было Аде не страшно в темноте, а лишь холодно и больно за людей... впрочем, как и на свету.

У дедовой могилки сидел старик благообразнейшего вида — белый, лысоватый, чистенький. Смотрел на даты на неброском памятнике.

— Здравствуйте, — сказала Ада. — С прошедшей Пасхой вас. Христос воскрес. Я вам не помешаю — мне убрать надо?

Незванный гость долго молчал, а начал разговор со странного:

— Вы, простите, ему кем доводиться?

— Внучкой, — ответила Ада вместо логичного: «А что?»

— Вот как, — и снова возникло тяжкое молчание.

Ада взялась за дело — бросать в полиэтиленовый мешок чужие бутылки, скрести дорожки веником.

— Сам не пойму, как я его могилу нашел, — произнес старик сам себе. — Жену давно схоронил, друзей скольких, это кладбище вроде вдоль и поперек знал, а вот на тебе... Иду, никого не трогаю, вдруг — ба-а! Герасин. Василий Павлович. Знакомые, как говорят, все лица.

— Вы знали дедушку? — спросила Ада, так как оставлять речь без ответа было бы невежливо.

— Знал... никогда не забуду.

Ада посмотрела на него светло и отвернулась.

— Вот что, — сказал человек из былого и достал из кармана чекушку. Там плескалось на середине. — Присядьте, милая дама... позволь на ты, — он перебил сам себя. — Кузнецов Николай Никитич. Не думаю, что мое имя тебе знакомо. Но это судьба. Вот ведь — сразу и его, и его внучку встретил... Значит, дети у него есть?

— Дочь. Одна.

— Да-а... Я, право, и не думал... Таким он мне в память врезался... потерянным... не то слово — убитым. Вроде жив человек, шевелится, а вроде и нет его. Выпьем!

Он глотнул водки — Аде осталось чуть-чуть, она обожгла горло, закашлялась.

— Ты дедову судьбу знаешь?

— В каком смысле?

— В смысле — про судимость.

— Знаю.

— Ну вот. Земля ему пухом, Василию Павловичу. Я его следовательно.

Прошло несколько минут, пока Кузнецов снова заговорил.

— Я одного в толк не возьму: я за свою жизнь возбудил тысячу уголовных дел, десятков, наверно, политических, получал от начальства одни благодарности и повышения, считался хорошим работником, и мне никто никогда не припомнил, что я начинал при Сталине и вел идеологические процессы. Сошлись на том, что время было такое, а спрашивать надо с головы, а не с мелкой сошки. И я сам давно уверился — да, не наша вина, мы выполняли свой долг. Тогда ведь боролись за идею. Задор какой-то горел внутри — за нашу страну, за нашу партию!.. Всем изменникам, всем пособникам врагов глотку перегрызем! Верил, и

сейчас не отступлюсь! Если б меня тогда осудили, признал бы свою вину как на духу, даже если б не ведал, в чем она! Но вот какая штука: я молодой, только после института, первое ответственное дело мне доверили — ботаников этих... И он, мой ровесник, тоже после института, тоже идейный, только со своей идеей! Вы, говорит, ошибаетесь, я не преступник, я хочу работать на благо нашей родины, потому что мои исследования принесут огромную пользу народному хозяйству. Ах, ты так? Ты о стране думаешь, а там, в Кремле, дураки сидят? Так мы с ним месяц беседовали, и злил он меня своей упертостью — страшно сказать как. И ведь не мог я этот процесс закрыть своею волей, понимаешь ты? — был заказ сверху. По всей стране кампания, а у нас город не то чтобы глухая провинция... Да и не хотел я его тогда оправдывать — он для меня был пособник мирового империализма! Вот так. А потом, когда я объяснил ему, по какой статье он будет осужден и за что... тут-то он мне в сердце и врезался. Навсегда. Только что буянил, спорил, авторитетов каких-то перечислял, кричал, что подаст апелляцию в верховный суд, в ЦК напишет... А я ему приговор. Ну, приговор-то суд оглашает. Я просто — признан ты виновным по статье такой-то. Распишись. И как он расписывался, это надо было видеть... нет, хорошо, что ты не видела. Рука прозрачная стала, ей-богу. Пальцы не слушались. Лица не осталось. Ну, я знаю, что он недолго сидел. Потому что свернули эти процессы... И вот с тех пор мне первый серьезно осужденный покою не дает. Я имя его запомнил — представь, что это значит для меня, следователя с сорокалетним стажем! И вот пришел супругицу навестить. Иду обратно... Вот где ты, Герасин. Вот, значит, ты где... Не успели мы с тобой еще раз повидаться.

— Зачем? — обронила Ада в горку прелой листвы.

— А вот кто бы мне объяснил, зачем мне хотелось, особенно на старости, когда пенсию заслуженную получил, с ним повидаться! О чем говорить-то? А сосало что-то внутри, покоя не давало. Ну вот, свиделись. Скоро, наверно, на том свете встретимся. Я уж тебя, Герасин, и так на двадцать лет пережил...

— Вы бы это любому человеку рассказали? — поинтересовалась Ада, не поворачиваясь к бывшему следователю.

— Не знаю... Нет, наверно. Лицо у тебя странное... Ты на деда похожа. На молодого, каким он мне снился.

— Прощения попросить хотите?

— Не знаю, за что, а хочу — да кто ж мне его даст?

— Я вас прощаю, — сказала Ада и развернулась.

— Ох, Господи, что-то глаза так больно! — заполошно вскрикнул Кузнецов, закрываясь ладонью. — Будто сильным светом резануло... Или правда Бог есть — как ты думаешь, молодая? Скажи мне, старому коммунисту?

Она промолчала, истекая горячим сиянием.

На пути с кладбища Кузнецов словно споткнулся, приостановился, хватая за рукав Аду — она шла рядом с ним, остро сознавая, что никто, кроме нее, этому старику сейчас не нужен. Ада решила было, что он хочет что-то еще добавить... да пальцы следователя мяли ее локоть слишком беспокойно. Глянула ему в лицо — глаза были открыты и белы, рот приоткрылся и застрял, как старая дверь, и левая доля лица ощутило ползла книзу.

— Что с вами? — струхнула Ада — медицинская наука для нее навек осталась тайной.

— Э-э-э-э, — тянул Кузнецов, оседая.

— Подождите, надо скорую...

Глоточек крови плеснул на руку Ады изо рта старика, и тело его отяжелело в секунду. Он повис на руке женщины над самым асфальтом, дергаясь, но раз от разу тише. Боясь отпустить его, Ада качнулась к проезжей части, что шумела немного впереди, замахала рукой...

Когда ей удалось вытащить Кузнецова на тротуар, он уже не шевелился, но его грудь слабо волновалась, и сквозь добротный старомодный костюм прощупывалось слабое тепло. Ада «голоснула», забыв стереть кровь с руки.

— Что, красавица, — крикнули из проезжавших «Жигулей», — перебрал папашка?

— Как не стыдно вам, человек умирает. В больницу надо!

— А платить кто будет — я ж не скорая помощь?

Мир прогнил

— Я заплачу.

Ада оставила полумертвого старика в приемном покое БСМП, назвала его фамилию-имя-отчество.

— Вы родственница?

— Нет, ему на кладбище плохо стало.

— А кому ж сообщить, чтоб тело забирали?

— Он что, умер?

— Нет пока, но вряд ли жилец...

— Не знаю...

— Морока с такими.

— Я больше не нужна?

— Вы-то зачем?

Столб нестерпимого света шел по улице, и люди от него шарахались.

«Господи, прости его», — говорила Ада про себя. Чем больше говорила, тем ярче сияла. Ей казалось — искренне, — что душа следователя, высвободившись из кокона казенного костюма, возносится к райским вратам на аэростате ее, Адино, прощения. И саму ее — словно позавидовала усопшему — застремило туда, где уже никто ей ни на что не пожалуется. А наконец пожалеют бедную девочку, такую не в меру сильную...

Некстати всплыл в памяти хваченный коньяком сокурсник: «Прикинь, если бы у тебя была сестра, лицом похожая, но с совершенно другим характером... Я бы написал повесть об Аде и Рае!» И собственный вопрос: «А я где — в аду или в раю?»

Озарение было ярче, чем все в сово-

купности люмены, по лучику собранные ею за более чем тридцать «блаженных» лет: «Я уже в аду, и моя доброта — мое же наказание!»

Все сложилось в логическую цепь: «Покойный следователь Кузнецов был всю жизнь палачом и убийцей, а я его простила. Все мои любовники — подонки, а я желала им счастья с другими женщинами. Я сидела с чужими детьми, а своих у меня нет и, видно, уже не будет. Люди — огромный муравейник идиотов и подлецов, а я молилась за них. Я думала: Господи, за что мне этот крест? Видно, это грехи отцов сказались. Какой же будет настоящий ад, если, конечно, он меня ждет там?..»

Она открыла дверь своим ключом и шагнула в полутемную прихожую, что на какие-то минуты ярко озарилась. Из комнаты навстречу ей вышла женщина, лицом — постаревшая Ада.

— Что ты так долго, детка? О-ой! Почему ты в крови, Адочка? Что с тобой?!

— Мама, — медленно и тяжело произнесла блаженная, — я ненавижу тебя за то, что ты родила меня на свет и воспитала такой... всеобщей жилеткой! Я не могу больше так жить! Я не хочу жить сотнями чужих судеб, а не своей одной! Ты поняла? Я тебя и отца ненавижу!..

На прихожую опустилась темнота, и в ней погасли глаза, которые на протяжении тридцати лет наполнялись крупными огнями.

Раиса Демещик

г. Иркутск, ИрГТУ, 4 курс

НАРИСОВАННЫЕ СНЫ

ВСТРЕЧА СООБЩИЦ

На высоком берегу холодной своенравной реки стоит маленький городок, затерянный в безвременьи и неизвестности. Его кривые улочки непредсказуемо сужаются и так же внезапно расширяются по мере своего неторопливого хода. Случается, улица сталкивается с другой и принуждает соперницу исполнить акробатический поворот или упереться в огородные заборы. Скрывающие мно-

жество переходов, укромных тупиков, неожиданных спусков и подъемов, эти улочки многое могут поведать о жителях провинциального городка. И действительно, здешний народ такой же непредсказуемый и склочный, простоватый и в то же время на редкость каверзный. Хотя трудно ожидать другого от людей, зачастую не по собственной воле съехавшихся отовсюду и вынужденных жить в тяжелых условиях губительного климата и постылого соседства.

Среди здешних жителей встречаются и весьма примечательные субъекты. Почти у каждого свои привычки и чудачества. Но, как и все улицы города стремятся всеми правдами и неправдами выйти к набережной, так и здешние люди сходятся в одном общем качестве — неукротимом гоноре. Возможно, нам еще предстоит поближе познакомиться с некоторыми жителями городка. Однако это становится скорее второстепенной, нежели главной задачей предстоящего повествования.

Стоял приветливый солнечный день. Прохладный ветерок с особым речным запахом разливался вдоль берега. Захолустный городок повидал немало таких погожих деньков. Все они прошли и смешались, утратив свои календарные числа.

Набережная в городе образовывала нечто вроде лобного места. На обрывистом берегу горделиво возвышалась красавица-церковь, рядом с ней располагалась длинная, как притаившаяся змея, чайная. Несколько крепких бревенчатых домов обступали площадь, а внизу у самой воды копошился рабочий люд, поглощенный погрузкой разных товаров на север. Сюда то и дело подъезжали груженные телеги, поднимая клубы рыжеватой пыли.

Чуть поодаль остановилась неуклюжая черная коляска, напоминавшая чем-то тарантас гоголевской Коробочки. На потертых сиденьях расположились две дамы весьма примечательной наружности и девочка лет одиннадцати в соломенной шляпке с розовой лентой. Кроме красивой шляпки в девочке не было ничего особенного, в то время как ее спутницы прямо-таки радовали взор. Одна из них была постарше, лет тридцати пяти. Крепко и хорошо сложенная, она пребывала в расцвете своей зрелой красоты. Аккуратная добротная одежда и отличная осанка указывали на ее независимое материальное положение. Напротив почтенной женщины сидела молодая дама, одетая по последней моде в светлое платье. Точеные ручки в дорогих перчатках с изяществом и кокетством придерживали ажурный зонтик. Миленькое подвижное лицо обрамляли великолепные пышные волосы медового цвета. Весь ее облик

дышал жизнелюбием, свежестью и солнцем. В тонких чертах невозможно было угадать ее настоящий возраст, она казалась очень молоденькой барышней. Еще сложнее было допустить ее кровное родство с почтенной спутницей, хотя в действительности они приходились друг другу родными сестрами. Стоит отметить, что судьбы двух женщин резко контрастировали друг с другом. Почтенная дама была замужем за мещанином из зажиточного местного рода. Жизнь ее текла размеренно, без особых потрясений и радостей.

История миленькой дамы выглядит куда более занимательной. Она долго жила у сестры приживалкой, нянчилась с племянницей, читала книжки и разводила герань. Она мечтала получить хорошее образование, но и здесь ей не особо везло. Когда барышне пошел уже 27-й год, в ее жизни произошли серьезные перемены. Она очень выгодно вышла замуж за одного солидного чиновника из губернского города. Ей пришлось переехать к мужу. Но барышня не собиралась надолго покидать свою любимую племянницу Лидочку. Она приехала в родной городок (только теперь уже в качестве гостыи) и привезла девочке кучу подарков, в том числе и соломенную шляпку.

Как и было отмечено ранее, с первого взгляда Лида терялась в тени своих импозантных спутниц. В ее болезненном лице не было ровным счетом ничего особенного. И вся ее внешность, и все повадки находились словно под печатью этого безнадежного «ничего особенного». Как ни странно, в этом повествовании она будет главным действующим лицом. Следует сразу предупредить, что из Лиды не вырастет чудесным образом красавица и к ее ногам не падут королевства и республики, она не станет великой актрисой и путешественницей. Но как достойная преемница Алисы, она позволит заглянуть в зазеркалье своих грез.

Казалось, что и во время оживленной беседы двух дам она о чем-то мечтала. Однако девочка внимательно слушала разговор, вникая в смысл каждого слова и улавливая малейшее изменение интонации. Ей было интересно, как теперь после долгого отсутствия тети разрешится один давний семейный спор.

Мир прозы

— Я не вижу ничего дурного в этом детском увлечении. Мне говорили, что в столице рисование очень популярно среди благородных барышень, — заметила нарядная дама.

— Ах, не начинайте снова, Полина, — утомленно ответила ей сестра. — Все эти столичные моды не для нас... Вернемся домой, а то Лидочку продует.

— Мы же собирались еще покататься в роще, — запротестовали Полина и Лида.

— На сегодня достаточно прогулок, — ответила почтенная дама, и коляска со скрипом укатилась прочь.

Наступил позолоченный летний вечер. Его насыщенный желтый свет мягко и ровно ложился на бревенчатые стены домов, преображал видневшийся вдалеке сосновый лес на высокой горе, разливался по склонам и луговым травмам. Люди усаживались на лавочках и завалинках, чтобы насладиться долгожданной прохладой.

Две уже знакомые нам дамы устроились на высоком крыльце богатого дома. Этот добротный деревянный дом, крытый железом, с большими окнами, был своего рода типичным представителем строений городского центра. Просторная усадьба с множеством хозяйственных построек, вместительным погребом и амбаром позволяла успешно держать подворье и вести торговлю. Еще многое станет известно об этом замечательном доме, но несколько позже. Гораздо любопытнее будет узнать содержание разговора, происшедшего между его хозяйкой и прелестной гостьей.

— Напрасно вы поддерживаєте в Лидочке это болезненное увлечение, — процедила Ульяна Матвеевна.

— С каких это пор рисование стало болезнью? Почему вы запрещаете Лиде рисовать? — Полина наверняка знала, что не сможет изменить решение сестры. Досада и негодование звучали в каждом слове.

— Я представляю, к чему могут привести все эти картинки, мечты, сказки, — пророчески ответила ей сестра.

— Напрасно вы считаете, что рисование и фантазии плохо повлияют на будущность Лидии.

— Конечно, вам только и заботиться о ее будущем. А меня прикажете в от-

ставку отправить? Своим вмешательством вы настраиваете дочь против родной матери!

Далее словесная перепалка пошла уже по проторенной, известной обеим колее. Ульяна Матвеевна стала причитать и показывать из себя жертву. Она была почти уверена, что из-за вредительства неразумной тетки бедная девочка лишится рассудка и повиснет на шее у престарелой матери. Увы, но что бы ни предлагала ей Полина, все воспринималось как оскорбление и злонамеренность. Разумеется, между прочим, были упомянуты все прошлые обиды и разногласия. Не выдержав столь бурного потока обвинений и жалоб, Полина сдалась и замолчала.

— Я терпела ваши глупости и ее причуды стерплю! Но она будет несчастна, когда поймет, как сурова жизнь... Уверовав в несбыточное, она жестоко обманется. Поймите же вы, наконец, судьба ее не пощадит! — Ульяне Матвеевне нравилось иногда говорить поучительно и высокопарно. В такие минуты в ее словах было больше язвительности и притворства, чем истинной заботы.

И все-таки она любила свою дочь. Просто в какой-то момент она незаметно для себя отстранилась от воспитания Лидочки. Быть может, это произошло из-за чрезмерного вмешательства Полины, а может, от расслабленности духа. Но теперь, несмотря на полное подчинение дочери ее воле, Ульяна Матвеевна была в растерянности. Она впервые почувствовала, что их разделяет преграда недоверия и непонимания. Ее дочь интересовалась другим, любила другое и, наконец, думала по-другому, чем она. И как матери, и как властной женщине в особенности, Ульяне Матвеевне было тяжело признать это. Всеми силами пытаясь наверстать упущенное, глубоко и искренне заблуждаясь, она упрямо проявляла свою материнскую заботу.

У Полины же и в мыслях не было сеять вражду, она сильно привязалась к Лидочке и делала то, что считала необходимым для племянницы. Она очень хорошо знала свою сестру и понимала, что открытое противостояние бессмысленно. В крайнем случае, Ульяна Матвеевна могла даже сделать вид, что готова последовать разумным советам,

на самом деле придерживаясь собственной политики. Тут могли помочь только иезуитские методы.

А в это время Лида, как обычно в вечерние часы, проверяла сохранность содержимого своего тайника. С недавнего времени старый пузатый комод стал молчаливым стражем ее сокровищ. В узком пространстве между комодом и стеной хранились маленькие картинки, нарисованные нетвердой детской рукой. Наивные и трогательные, печальные и озорные, они несли отрывки из Лидиных снов и мечтаний. Все зарисовки были бережно сложены в ветхой папке, которая идеально вписывалась в потаенный зазор. Обнаружить такое хранилище было очень сложно, но, возможно, и странный бумажный сверток, лежавший под комодом, подтверждал это. Когда Лида его развернула, восторг победил подозрительность. Перед ней лежал изумительный набор акварельных красок с кисточками различного размера, листы плотной белой бумаги, мелки, карандаши. Радости не было предела. Это был самый замечательный подарок из всех, которые Лиде довелось получить за свои одиннадцать лет. «Как много цветов! Теперь я могу снова рисовать траву зеленой, а не лиловой! Бумага, какая чудная сияющая бумага!» — восхищалась девочка, не сомневаясь в том, что сюрприз был приготовлен тетей.

Целая вереница новых идей и сюжетов пронеслась перед мысленным взором. Спрятавшись за перегородкой, Лида с радостным трепетом взяла в руки кисть. Непременно испробовать новые краски и сию же минуту — воистину детский порыв, но сколько искренности в этом торопливом желании не откладывать на потом мгновения счастья.

ОКО ЗЕМЛИ

Краски еще не высохли, и Лидина рука еще не отложила кисть, а на бумаге уже расцвело маленькое чудо. Любой смог бы найти художественные недостатки в этом нехитром изображении, но опытный ценитель, вероятно, отметил бы, как точно подобран цвет и как сильно передано настроение. Лидины картинки — это больше, чем просто

пейзажи или незатейливые сценки. Это истории, которые вполне самостоятельны. Они не застывают на бумаге, а живут собственной жизнью и даже порой разворачиваются в захватывающие действия...

Суровый край, дикий, таинственный. Как много чудес скрывает он от любопытных взоров. И если джунгли зовутся зеленым адом, то имя северным лесам — зеленое волшебство. В причудливых нагромождениях бурелома есть что-то от избушки на курьих ножках, а дерево, укутанное мхом, напоминает лешего. Но в целом лес — это большой дом с множеством потайных кладовок, полянок-террас и анфилад. Особое место в этом диком жилище занимает большой колонный зал. Солнечный свет пробивается через кроны старых сосен. Он скользит по их пестрым серо-желтым стволам-колоннам и замирает над кустарниками. На крупных дымчатых ягодах голубики дрожат и светятся капельки росы. Иногда среди трав приветливо мелькают желтые огоньки солнечных зайчиков. А кое-где на прогретых полянках можно найти только начинающую поспевать бруснику. Придет время, и пылающие бусинки украсят кудрявый ковер из жестких листочков.

Постепенно деревья расступаются и открывают вид на скалистую стену. По серым камням струится родниковая вода. Кристально-чистые струйки, образуя маленький водопад, с мелодичным звоном разбиваются о поверхность необычного водоема. Это Око Земли — бесценный талисман, сокровище этих мест. Пожалуй, это единственное в своем роде озеро. Оценить его красоту можно, только очутившись на каменистом обрыве, высоко над прозрачной гладью. Какое-то странное магическое чувство возникает под действием этого немигающего циклопического взгляда. Сверху рябь от водопада почти незаметна и озеро кажется совершенно гладким, его продолговатая форма почти идеальна. Но более всего завораживает игра удивительно синего цвета, интенсивность которого нарастает от краев к центру. Каменистые берега пустынные: ни травы, ни деревья не склоняются над водой, в которой разлита одна только небесная синь.

Мир природы

Такое магическое и пугающее око. Кажется, что до дна можно дотянуться рукой. Но на самом деле это гигантская воронка, а чернеющий зрачок — заповедная бездна подземных озер. Там в густой темноте карстовых пещер медленно текут холодные воды. В их тяжелых засоленных толщах не водятся рыбы и не колышутся водоросли. И даже видения внешнего мира не тревожат их глубокого сна. Но неожиданно неосторожный порыв шалуна-ветра опускает на гладь рядом с зеницей прошлогодний березовый лист. Невидимый поток подхватывает его и утягивает за собой. Беспомощный листок вьется и сопротивляется, а свет играет на его зубчиках янтарными искорками. Бедный листочек! Не рассказывай спящим озерам о том, как прекрасен этот мир. Не говори им про весну, когда ты родился и весь еще влажный, душистый увидел своих зеленых собратьев. И о лете цветущем и ярком, сладко пахнущем травой; и об осени, пылающей золотом и багрянцем, не шепчи им. Пусть они покойно дремлют и не рвутся к поверхности, и не ищут мимолетного счастья, круша свои своды. И пусть их прекрасное око, как и прежде, завороченно смотрит в одно только бездонное вечное небо.

СОБРАНИЕ НЕРЕАЛИЗОВАННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Как приятно порой бывает по мечтать. Не так чтобы всерьез желать чего-то или строить планы на будущее, а представить себе нечто приятное, совершенно невыполнимое. Лида любила помечтать, и хотя ей не было известно понятие вариантной реальности, она иногда задумывалась полусуто о том, что бы могло произойти с ней при других обстоятельствах. Конечно, со слагательное наклонение — если бы, то... — не совсем удобно. Что ж, придется его опустить, рассматривая еще одну картинку, на которой изображен Лидин дом.

Это солидное здание выглядит на рисунке иначе, чем в жизни. Дом кажется выше, светлее и как будто моложе. И все-таки основные его черты переданы достаточно правдиво. Горде-

ливый фасад смотрит на улицу пятью большими окнами. Строгие массивные наличники и ставни, закрывающиеся на болтах, скорее более функциональны, чем декоративны. Тот же отпечаток рациональности хранят и увесистые лиственничные бревна, подогнанные на века, и железная крыша, выкрашенная вишневой краской.

Все хозяйственные постройки и даже ворота с забором сделаны очень добротно. И это не удивительно, поскольку раньше строили на совесть, не испытывая недостатка в лесе и рабочей силе. Немного выбивается из общего рачительного настроения высокое резное крыльцо с незатейливыми, но изящными деревянными кружевами. Несмотря на кажущуюся простоту, дом очень красив и гармоничен, им можно даже залюбоваться. Каким-то особым непередаваемым характером обладает это здание.

Большую часть дня дом находится в тени, но на Лидином рисунке он весь освещен лучами ласкового утреннего солнца. Высокие окна смотрят приветливо и наивно. Прохожие, поравнявшись с ними, замедляют шаг и всматриваются в сумрак комнат. Они знают, что это не обычный дом, а местная достопримечательность. В его стенах жила удивительная девушка, прославившая родной городок. Здесь собраны ее вещи и награды, на которые не каждый может взглянуть. Для Лиды сделано исключение, поскольку знаменитая особа не кто иная, как ее любимая тетя Полина. Весь зал заставлен высокими поставцами с множеством необычайных вещиц. Редкое издание словаря, в котором слова поочередно переводятся с одного языка на другой. Так неожиданно, Лида и не догадывалась, что ее тетя знает немецкий, французский и английский. Тут же можно найти несколько благодарственных писем и грамот, полученных в литературных и научных конкурсах. А вот еще одна удивительная награда — медаль за первенство в соревнованиях по стрельбе из винтовки. Замечательная коллекция редких книг занимает большую часть выставочного пространства. «Неужели тетя Полина все это прочла», — мысленно поражается Лида. Она открывает небольшой томик

сказок Гофмана и находит пометки на полях, выведенные знакомым почерком. Лиду охватывает чувство гордости за успехи ее ближайшей родственницы. Неожиданно на глаза ей попадает еще одна интересная книга... Но из столовой доносится нетерпеливый голос Ульяны Матвеевны: «Лида! Чем ты там занята? Я уже третий раз зову тебя ужинать». Мечта прерывается, мысль ускользает, и Лида уже не может припомнить, чем еще прославилась Полина в ее фантазиях.

Пожалуй, только ребенку может пригрезиться такой невероятный музей. Не мемориальная выставка, как это часто бывает, а собрание нереализованных возможностей. Трудно сказать, могла ли Полина достичь всего этого в действительности. Однако Лида не сомневалась в незаурядных способностях тети, иначе она и рисовать бы не стала свой дом в такой необычной, пусть и несбыточной роли.

ЗАМОК ДВУХ ВЕТРОВ

Трудно сказать, что оборвало Лидин сон: заманчивый запах разогретого масла или привычный отзвук спорящих голосов. Но впечатление от сновидения было настолько сильным, что Лида снова и снова закрывала глаза и тщетно пыталась вернуться в очарованный замок. Поэтому какое-то время она не вспоминала про завтрак и не вслушивалась в шум, доносящийся из кухни. А тем временем семейная перебранка еще сильнее ожесточалась.

— Зачем вам только сдались эти проклятые шторы с кистями? — удивлялась Полина.

— Ну как же — гость приедет, а у нас на окнах эти нищие задергущечки! — восклицала Ульяна Матвеевна.

— И вы станете просить у попадьи длинные шторы. И все это только лишь для того, чтобы впечатлить моего мужа. Смешно!

— Я хочу, чтобы у нас было как у приличных людей.

— Будто бы он не знает, что живете вы просто. Ох уж мне эта показуха! Приезжает всего лишь один человек и на один только день, а вы устроили такую кутерьму...

— Какую кутерьму?

— ...будто к вам губернатор со всем семейством пожалует!

— Поля! Не спорь со мной, все равно пойду к попадье.

— Тогда уж не нойте, а то можно подумать, что все заботы мира свалились к вам на голову.

Стоит лишь добавить, что подобные сцены случались все чаще и чаще. Оно и понятно, уж очень не хотелось Ульяне Матвеевне ударить лицом в грязь перед интеллигентным зятем. А потому все драилось и перемывалось до зеркального блеска, на столе чудесным образом появилась праздничная скатерть, о существовании которой до сих пор никто и не подозревал. Всюду разместились вышивки и салфетки, те самые, что были бережливо припрятаны в окованных сундуках. Несмотря на уйму дел, Ульяна Матвеевна не допускала постороннего участия в этих приготовлениях. Все, чем старались ей помочь дочь и сестра, нещадно критиковалось и переделывалось.

— Ну и суматоха! — вздохнула Полина, подойдя к Лиде. — Что же ты до сих пор не завтракаешь, не заболела ли?

— Я видела такой необычный и страшный сон! — задумчиво ответила Лида. — Жаль только забудется он скоро.

— Ну и хорошо, что забудется, коли страшный, — засмеялась Полина.

— А мне его не хочется забывать, уж больно чудной сон. Такой замок странный, перекошенный, и привидение, и буря.

— В таком случае нарисуй этот замок или расскажи мне про него! — предложила Полина.

— Мне снилось, что я была его хозяйкой, вернее, женой хозяина...

— Вот забавно, значит, ты была важной дамой? — удивилась Полина.

— Вовсе нет, — возразила Лида, — мне казалось, что я там совсем недавно. Все было чужим и пугало меня. Особенно неприятен был ветер. Он то слабел, то вновь набирал силу и повсюду преследовал меня. Не нравился мне и замок. Его построили, сложив как попало стены и башенки из грубых каменных глыб. К тому же замок казался перекошенным: верхняя его часть была

Мир прогнил

сдвинута в одну сторону, а нижняя — в другую.

— Кто же это сдвинул такую громаду? — поинтересовалась Полина.

— Во всем виноваты два ветра. Они летели навстречу друг другу: один гнал в вышине тучи, другой прижимался к земле. Когда они сталкивались, столбы снега и пыли поднимались в воздух. Это был бесконечный поединок непримиримых врагов.

— Какой неприятный сон! — Полина поморщилась.

— Это еще не все! Моим самым любимым местом в замке был садик возле часовни. Я любовалась его молодой зеленью. Когда хозяин замка пришел туда, я стала просить его отпустить меня за ворота. Казалось, что погода успокоилась и я могу немного пройтись. Ему не хотелось меня отпускать, а я все продолжала настаивать. «Если вы так упорствуете, дело ваше, — сказал он. — Но одну я вас не отпущу. Вы можете идти, куда пожелаете, в сопровождении моего храброго воина...» — и он назвал рыцаря, который погиб полгода назад. Я вздрогнула от неожиданности, не сошел ли он с ума. За оградой часовни виднелась свежая могила рыцаря...

— Какие же страсти ты рассказываешь! — не сдержалась Полина и посмотрела на племянницу с тревогой.

— Но хозяин замка не шутил, — продолжала Лида, — его слова звучали серьезно и предостерегающе. Я не помню, как оказалась возле озера с заросшими берегами, но прогулка мне радости не принесла. По замерзшему озеру стали гулять снежные вихри, сначала совсем маленькие, но потом оба ветра задули с большей силой. Я стала забираться на берег, и тут мне показалось, будто кто-то смотрит мне вслед. Обернувшись, я увидела темную фигуру всадника. Он стоял неподвижно на другом берегу, горделиво приподнявшись на стременах и в любой момент готовый ринуться в скачку. Вся его осанка была мне знакома, это был призрак, тот самый, что был призван меня сопровождать. Я стала хвататься за траву и с невероятной скоростью взобралась наверх. Страх перед призраком гнал меня к замку, я чувствовала на себе его взгляд и боялась оглянуться. Меня

сносили порывы ветра, но я изо всех сил бежала от своего преследователя к воротам. Когда их створки захлопнулись за мной, небо совсем почернело. Разыгралась страшная буря, и минута промедления дорого бы мне обошлась среди бесприютной равнины...

— Да, действительно, очень страшный сон. Пойду заварю тебе богородской травы. — Полина посмотрела на девочку ласково и вышла из комнаты, не забыв напомнить про завтрак.

Лида весь день размышляла о своем сновидении. Девочке казалось, что тетя Полина не так все поняла, и поэтому рассказ Лидии ее не впечатлил. Наверное, какая-то очень важная деталь была упущена. Что же такое сделало этот сон не просто кошмаром, а чем-то более значимым? Лида не знала, как ответить на этот мучительный вопрос. Может быть, важно то, что сначала замок был тюрьмой, а потом стал желанным приютом? А может, важнее роль призрака, который спас ее от гибели и выполнил повеление господина? Неужели есть такие клятвы, которые невозможно нарушить?

Когда Лида попыталась еще поговорить с тетей, та улыбнулась и весело ответила: «Глупышка, это же всего лишь сон. Не стоит так из-за него переживать».

ХРАНИТЕЛЬ КЛАДОВ

Несмотря на все приготовления, приезд гостя оказался неожиданным, и Ульяна Матвеевна с ужасом поняла, что, заботясь о наведении чистоты и лоска в своем жилище, она совсем не позаботилась об угощении. Пока хозяйка хлопотала на кухне, Полина и Лида должны были занять гостя.

Алексей Федорович Пицыгин — служащий известной золотодобывающей компании — произвел на Лиду довольно-таки противоречивое впечатление. Это был солидный человек, решительный и строгий, в обществе которого находиться было несколько неловко. Однако за его суровым обликом проблескивала природная доброжелательность. Голос его звучал отрывисто и резковато, но отнюдь не от грубости характера, а

скорее согласно взволнованному и приподнятому настроению.

— Как же вы тут поживаете? Хорошо ли ваше здоровье? А как Ульяна Матвеевна? Яков Андреевич, наверное, на охоте? — получив на все эти дежурные вопросы обнадеживающий ответ Полины и Лиды, гость немного успокоился, и беседа потекла в более размеренном темпе.

— Вы так много, Полина Матвеевна, рассказывали мне о рисунках Лиды, что хочется непременно на них взглянуть.

— Это, пожалуй, несколько погодя, — улыбнулась Полина.

— Я, признаться, в живописи не большой знаток, но к хорошим картинам не останусь равнодушен, — заметил Алексей Федорович.

— Картинки, конечно, хороши, но больше всего мне нравятся истории, которым они посвящены, — призналась Полина.

— Очень интересно будет послушать.

Но Лида засмушалась и опустила глаза. Тогда Алексей Федорович предложил:

— А не хочется ли вам послушать одну презанятную историю?

— Конечно, хочется! — обрадовались Полина и Лида.

Немного перекусив, гость начал свой рассказ:

— Случилось это позапрошлым летом на Надеждинском прииске. Я как раз проверял там земляные сооружения. Весь прииск был переполошен этим событием. А произошло вот что. У одного рабочего потерялись дети: дочка Ариша и сын Тимошка. Пошли они вдвоем за земляницей и не вернулись. Три дня искали их по тайге, все без толку. На четвертый день дети, растрепанные и перепуганные, сами вернулись домой. Стали их взрослые расспрашивать, что же с ними случилось. Дети сначала отвечали на все вопросы путано, и только некоторое время спустя удалось кое-что понять.

Перед дорогой строго мать им наказала далеко в лес не заходить, а брать ягоду по склонам да по опушкам. Ариша так и делала, а Тимошке скучно стало по склонам ползать, он и начал перед сестрой похвастаться: «Ягода здесь мелкая,

да и обобранная уже вся, а я знаю такое место! Там ягода крупная, сочная, и ее много-много, так что сладко пахнет от той поляны на весь лес».

«Пусть и есть такое место, только матушка не велела нам в лес далеко ходить», — возразила Ариша.

«Да какой там лес! Просто перейти через три перевала и чуть-чуть в сторону от старой засохшей сосны, вот и сразу будет та поляна. Я там был с Корячихинными», — не унимался Тимошка. Стали они спорить, и не знает Ариша, что ей делать. Хочется ей и материнский наказ не нарушить, и на чудесную поляну посмотреть. Наконец, сказала она брату: «Ну, коли недалеко та ягодная поляна, можно и сбегать». Взяли они туески и пошли. Через один перевал перешли, через второй, вот уже и третий остался позади.

«Что-то не видно приметной сосны, — говорит Ариша. — Ой, не верю я тебе, Тимошка, давай вернемся домой».

«Я тогда без тебя пойду, а тебе, коли неможется, возвращайся одна».

Арише страшно одной возвращаться и брата оставлять. Так и подошли они к четвертому перевалу. Тимошка, не дождавшись приметной сосны, повернул в лес. Шел он сначала уверенно, так что Ариша едва поспевала за ним. А потом понял, что совсем незнакомые пошли места. Сестра это заметила и заплакала: «Не нужна мне эта ягода! Пойдем обратно, солнышко уже совсем низко». Поворотили они назад, а лес все глуше и глуше. Вдруг услышали они треск, обернулись и видят: притаилась за лиственницей простоволосая девчонка, вся в лохмотьях. Замерла и смотрит на детей удивленно, а подойти не смеет. И странный у нее взгляд, дикий, напуганный, как у зверька.

Ариша не растерялась и спросила ее, далеко ли до Надеждинского прииска. Девчонка головой помотала, мол, не знает никакого прииска. Тогда попросили ее дети проводить их до ближайшего ночлега. Девчонка ничего не ответила и поспешила прочь. Пришлось им пробираться за ней заповедными таежными тропами. Тяжело было по лесу за дикаркой угнаться, однако скоро очутились они перед мостом, перекинутым через

Мир природы

глубокий овраг. Перешли дети мост, почувствовали запах дыма и вареного мяса и, было, успокоились уже, как окрикнул их чей-то хриплый голос. Прямо перед ними выскочил безобразный старик, грязный и взъерошенный. Замахнулся на них палкой и хотел уже обрушить ее на непрошенных гостей, как вдруг дикая девчонка бросилась к нему и заслонила собой детей. Отшвырнул дед палку и, погрозив оборванке, скрылся в лесной чаще. А она поволокла несчастных к ветхой избушке. Внутреннее убранство не поразило детей чем-то особенным, и только запах приготовленной пищи взволновал их. Девчонка налила в замызанную миску какую-то похлебку из кореньев и мяса, на которую с жадностью накинулись брат и сестра. Поев, Ариша поблагодарила за угощение и робко произнесла:

— Мы с братом собирали землянику и заблудились, ты случайно не знаешь, как отсюда добраться до Надеждинского прииска?

Хозяйка избушки нахмурилась и растеряно переспросила: «Куда?»

— Надеждинский прииск — это место, где живут люди и добывают золото, — попыталась объяснить Ариша. «Золото?! — дико засмеялась девчонка. — Золото, золото...» — и, распевая это слово на различный манер, откинула крышку стоящего рядом сундучка. Детям показалось, что его содержимое озарило всю избушку. Сундучок доверху был заполнен золотым песком и мелкими самородками. Девчонка погрузила туда ладонь и поднесла ее, полную драгоценного песка, к самому лицу Ариши: «Зачем вам уходить, и здесь есть золото».

«Что ты! — заплакала Ариша. — У нас там матушка с батюшкой, они ждут нас и очень переживают». Девчонка насупилась, подумала немного и внезапно соскочила с места, выбежала из избушки и заперла ее снаружи.

Принялись дети стучать в дверь и кричать истошно, да все без толку. Села Ариша на лавку и запечалилась. А Тимошка тем временем обошел всю избушку и увидел, что повсюду на полу стоят коробки и тусски с золотым песком.

«Ах, Ариша! Здесь столько золота, сколько на всем Надеждинском приис-

ке не сыщешь! Вот бы взять хоть один с собой».

«Да что ты! Живыми бы остаться!» — оборвала его сестра.

Печалились они, тревожились, но усталость взяла верх, и уснули дети, прижавшись друг к другу.

Наутро разбудила их девчонка, зашла в избушку, растопила печку и приготовила еды. Накормив своих пленников, вывела их из избушки и пригрозила: «Не смейте бежать, а то хуже будет». Тон девчонки не заставлял усомниться в серьезности ее слов. Дети повиновались. Они послушно шли по уже знакомой дороге. Повсюду стояли покосившиеся, наспех сколоченные избушки, валялся брошенный инструмент. Дневной свет преобразил все вокруг, и стало видно, что это странное место когда-то было поселением золотоискателей. Несомненно, они оказались успешны в своих трудах. Им удалось обнаружить одну из богатейших золотоносных жил. Но что-то страшное случилось с обитателями этого поселения, и связь с внешним миром была прервана. Ариша и Тимоша никогда не слышали об этом прииске. Но все его золото не могло их утешить.

Ариша боялась открыто проситься на волю и начала как бы невзначай: «У нас там так весело. Столько друзей и подружек. Мы вместе играем, ходим в лес! А какой вкусный у нас пекут хлеб, такой мягкий и душистый!» Ариша заметила, что девчонку заинтересовало сказанное. Целый день проговорила она о том, как живут люди на приисках, в деревнях и больших селах. Дикарка внимательно слушала и все больше и больше оживлялась. Так прошло еще два дня. Дети узнали, что страшный старик — родной дед девчонки. О том, что произошло с поселенцами, она толком не знала или боялась говорить. С каждым часом, проведенным рядом с детьми, в ней разгоралось любопытство и желание увидеть Надеждинский прииск. Под конец третьего дня она призналась, что дед следит за ней и не пускает одну далеко от поселения. Этот странный человек потерял рассудок из-за драгоценного металла. Он боялся, что кто-нибудь узнает о его золоте и отберет все до последней песчинки. Старик

охранял свои владения и зорко следил за непрошеными гостями.

Наконец Ариша подружилась с девчонкой. Ей было жалко это одинокое забитое существо, оказавшееся заложницей алчного деда. Арише хотелось показать ей настоящий мир, где живет много людей и где есть радости, недоступные дикарке. Так они шептались и шептались, пока не договорились бежать все вместе. Девчонка собрала с собой узелок с припасами и рано утром тихонько вывела детей из избушки. Они крадучись прошли поселение и оказались у моста. Только теперь дети заметили на дне оврага речушку. Когда они ступили на мост, девчонка оглянулась и вскрикнула, к мосту широким шагом неся ее дед. Он размахивал ружьем и сыпал отборной бранью. «Сейчас я вас прикончу! Думали обокрасть меня. Ничего, ничего не отдам!» Ариша и Тимоша со всех ног бросились в лес, один лишь раз обернулись они и увидели, как дед схватил девчонку и отшвырнул ее от моста. Обезумев от страха, долго они прорывались через чащу, и мерещились им погоня и гневные крики старика. Но никто уже не гнался за ними, а только встревоженная тайга трещала и роптала им вослед. Сами себя не помня, очутились они на знакомой дороге и вернулись на родной прииск. И долго еще будоражила эта история всю окрестность. Находились даже смельчаки, которые далеко заходили в тайгу. Но как ни искали, как ни старались — не смогли они отыскать заброшенный прииск. Так ничего и не узнали Тимошка с Аришей об участи несчастной девчонки и безумного старика.

ТОПОЛЕВЫЙ ОСТРОВ

Начало августа радовало погожими деньками. Лида проводила много времени на улице и не прислушивалась к разговорам взрослых, но внутреннее чутье подсказывало ей, что назревает очередная семейная потасовка. В доме воцарилась непривычная тишина, но не получая выхода в мелких ссорах, давнее противостояние только росло. Вечерами Полина с жаром говорила о чем-то мужу, а он успокаивал ее и просил дожидаться

приезда хозяина дома. Ульяна Матвеевна тоже возлагала большие надежды на помощь супруга. Она не сомневалась, что ей не составит труда убедить этого рохлю в чем угодно. Для Лидочки приезд отца сулил несколько традиционных сюрпризов, и она внимательно прислушивалась к скрипу калитки. Обычно, возвращаясь из леса, Яков Андреевич привозил дочери какой-нибудь сувенир. Это мог быть глухаринный хвост, напоминающий веер, яркие пятнистые плавники хариусов или гладкие блестящие камушки из таежных рек. Ульяна Матвеевна не разделяла восторга дочери и всякий раз жаловалась, что весь этот хлам будет валяться по дому. Очередная находка мужа ее также не впечатлила, и она веско заметила:

— Только не надо тащить камни в дом! Это плохая примета.

— Приметы я не особо знаю, но в геологической коллекции данный экземпляр был бы очень кстати, — сказал Алексей Федорович.

— Что же такого примечательного в этом камне? — удивилась Ульяна Матвеевна.

— По таким окаменелостям ученые читают прошлое Земли. Когда-то этот камень был сучком дерева. Посмотрите, как великолепно сохранились его волокна. Увидев его, специалист сможет сказать, какие раньше здесь росли деревья и каким был доисторический ландшафт.

Ульяна Матвеевна терпеливо выслушала доклад зятя и еще больше укрепилась в своем мнении, что камни в доме — это мусор.

До обеда все находились в большом возбуждении. Яков Андреевич демонстрировал свою добычу и с желанием рассказывал о прошедшей охоте. Ульяна Матвеевна принялась ошипывать чирков, сетуя, что пера с них больше, чем мяса. Полина предложила свою помощь сестре и получила отказ: «Скажут еще, что работой замучила». В общем, все шло достаточно мирно. После отдыха Яков Андреевич предложил покататься на лодке, и все единодушно его поддержали. Катание на лодках было одним из любимых развлечений жителей городка. Река и ее приток обрзовывали два рукава: один — мутный

Мир природы

от ила — был теплым и благоприветствовал купанию, другой — прозрачный как стекло, нес свои ледяные воды с высокогорья. Эти две протоки разделяла вереница островов, заросших хвощом и тальником. Каждый из них был изолированным укромным мирком. Но иногда от острова к острову тянулись звенящие мостики отмелей. Лодка, слегка покачиваясь, неторопливо скользила по речной глади. Прозрачная вода позволяла разглядеть на дне отполированную разноцветную гальку, обломки перламутровых раковин и причудливые очертания коряг. Поднимаясь из водорослей так называемой бороды, они были похожи на морских чудищ. Наконец лодка причалила к высокому берегу одного из островов. Пока мужчины помогали своим дамам выйти из лодки, Лида выпрыгнула на берег и помчалась обозревать окрестности. Она в две минуты обежала ровную травянистую поверхность и направилась к соседним островкам. Перед одним размеренно текла прозрачная протока. На ее дне лежал желтый песок, и его правильные складки были точь-в-точь как на пейзажах пустыни. Лида не решалась нарушить безмятежный покой этого уголка и какое-то время просто любовалась им. Потом ей пришлось откликнуться на зов родных и покинуть сказочный берег.

Лодка направилась ниже по течению навстречу следующему острову. Над ним возвышались одни только тополя, их прямые стволы и гармоничные формы совершенно не походили на причудливые силуэты талин. Казалось, эти величавые деревья кто-то нарочно посадил, соблюдая традиции старинных парков. Они росли на острове вольготно, не мешая друг другу и не путаясь в подлеске. На земле практически не было травы и кочек, и только выступающие кое-где на поверхность корни пересекали тропинки. Летний ветерок нежно расчесывал тополиные кроны, а вечернее солнце щедро рассыпало свое золото на их глянцево-листья, источающие своеобразный терпкий аромат.

— Я же говорила, что здесь совсем нет мошки, — удовлетворенно заметила Ульяна Матвеевна, расставив на покрывале припасенную снедь.

Наслаждаясь свежим ласкающим воздухом, компания умолкла и достаточно долго не нарушала тишины. Перед этим безмятежным молчанием меркли самые возвышенные и пламенные речи. Все были едины в своих чувствах и не нуждались в словах, совершенно бесполезных в таких случаях.

Потом раздался плеск весел, и зазвучали голоса вновь прибывших посетителей. Они, конечно же, оказались хорошими знакомыми Лидиных родителей и не преминули присоединиться к компании. Началась оживленная беседа, наполненная расспросами и обсуждением местных сплетен. Лиду подобные разговоры мало интересовали, и она от скуки бездумно чертила что-то прутиком на земле. Это занятие помешало ей заметить, как Полина подмигнула мужу и как он потом в стороне от всех разговаривал с Яковом Андреевичем. Очень скоро к берегу причалила еще одна лодка, а за ней и другая, стали доноситься отзвуки песен и беззаботного смеха. Тополевый остров был излюбленным местом народных гуляний.

Возвратившись домой, утомленная компания стала готовиться ко сну, а на следующий день молодая семья покидала городок.

Вечер был таким приятным и безмятежным, что Лида и не подозревала о надвигающейся буре. Наутро разразился жуткий скандал. Ульяна Матвеевна накинулась на сестру, узнав от Якова Андреевича об ее интригах. «Поля, ты с ума сошла. Зачем моей дочери учиться в гимназии? Ты научила ее грамоте — все, больше ей ничего не надо!» — кричала Ульяна Матвеевна. «Перед Лидой откроются новые возможности, у нее появятся хорошие друзья. Разве это плохо?» — возмутилась Полина. «Плохо! Не советуешься со мной, даришь без моего ведома подарки и внушаешь ребенку вредные мысли, — не унималась Ульяна Матвеевна. — Лида! Принеси сюда все, что тетя подарила тебе тайком от меня». Полина кивнула племяннице, и через минуту злополучный сверток лежал на столе. «Забирайте», — выдохнула Ульяна Матвеевна.

Провожая Полину к подводе, Яков Андреевич тихо произнес: «Ты уж, Поля, не обижайся на нее. Сама зна-

ешь — упрямство. Может, образумится. Я обязательно поговорю с ней, только погода немного».

«Куда убежала Лида?» — рассеянно спросила Полина.

«Наверное, на подвал взобра-лась», — Яков Андреевич неуверенно пожал плечами.

Полина резко остановилась и четко произнесла: «Вы извинитесь перед ней за меня».

«Перед Ульяной?» — растерялся Яков Андреевич.

«Нет, я прошу прощения у Лиды». Дорожное платье грустно зашуршало и заглушило глубокий вздох. Полина убрала от лица прядь медового цвета, и на перчатке остался влажный солоноватый след.

ПАСМУРНЫЙ РАЙ

— Ах, Васька, Васька, и что же ты у меня никак не получаешься! Посмотри, какие смешные у тебя вышли уши, прямо как у зайца. Ну вот! Один глаз выше другого. Васька, придется мне нарисовать твой портрет как-нибудь в другой раз.

Лида с досадой перевернула оборванный листок и погладила беспород-

ного полосатого кота. Васька посмотрел на свою хозяйку равнодушными сонными глазами и, зевнув, свернулся клубочком. Девочка взглянула в окно и вздохнула:

— Какой же скучный и муторный день.

Серой вереницей тянулись дождливые августовские дни, когда природа начинает предчувствовать осень и печалится об уходящем лете. На пожелтевший тетрадный лист ложились лиловые штрихи химического карандаша. Постепенно они превращались в одинокое согбенное деревце. Оно протягивало свои жалкие с редкой хвоей ветви к солнцу малинового цвета. Лида была совершенно уверена, что где-то далеко на самом деле есть уголок с таким же деревцем, с такими же туманными далями за свинцовой рекой и что это место прекраснейшее на земле. Когда-нибудь она обязательно увидит его, обрадуется и будет долго плакать. Ей не понадобятся слова и тем более оправдания. От неба до земли все вокруг поймет и разделит необъяснимую ее тоску. Холодным дождем разразятся туманные дали. Потом свежий ветер коснется ее щеки и высушит все слезы. В этот миг печаль уйдет, и станет так легко, спокойно и отрадно дышать.

Наталья Балакина

Родилась в г. Иркутске. В 1987 году закончила Иркутское художественное училище. Затем работала бутафором в театре кукол и в ТЮЗе. В 1999 г. закончила восточный факультет Иркутского технического университета. Сейчас работает художником в Госцирке. С 2002 г. член Союза художников России. Постоянная участница городских, областных и зональных выставок. Шесть лет является членом и основателем группы «М'Арт». Живет в Иркутске.

ОТКРЫТЫЙ МИР НАТАЛЬИ БАЛАКИНОЙ

Впервые знакомясь с творчеством молодой иркутской художницы Натальи Балакиной, рассматривая ее картины и гобелены, невольно внутренне замираешь — такого еще не было!

Действительно, глядя на ее огромные желтые подсолнухи, ярко-красное солнце-Ярило, уходящую вдаль лунную дорожку, чувствуешь вливающуюся в душу новую, сильную, захлестывающую волну жизнеутверждающей энергии жаркого лета, задумчивого вечернего заката, обжигающих лучшей Бога-Солнца. Так мыслит, так чувствует, так творит Наталья Балакина. «Создание любого художественного произведения требует с одной стороны — эмоционального всплеска, с другой — собранности. Одна из любимых техник, которую я показываю на выставках, — гобелен. В работе же над гобеленом особенно важно не потерять «запал», ведь труд над небольшим полотном длится недели и месяцы. Можно считать тонкие, невесомые нити весь день, и результат — маленькое красочное пятнышко. Но какое удовольствие — снять со станка готовый теплый гобелен, прочувствованный тобой до миллиметра.

Наверное, главное в творчестве — получать наслаждение от процесса, и я его получаю, — говорит Наташа. Это все о гобелене — излюбленном жанре, в котором она, несомненно, добилась огромных успехов. Чего стоит полученная ею первая премия по Сибири и Дальнему Востоку на Всероссийской молодежной выставке в Москве за гобелены «Натюрморт с грушами» и «Дары Байкала».

Но есть еще и другая грань ее самобытного таланта — нежная и трепетная. Это натюрморты, портреты, пейзажи, написанные маслом.

Вот исполненный вдохновения и одухотворенности портрет девушки, который называется «Музыкант Ольга». Кажется, будто она наслаждается разлитыми в воздухе звуками скрипки, и невольно тоже начинаешь прислушиваться и... слышать эти звуки.

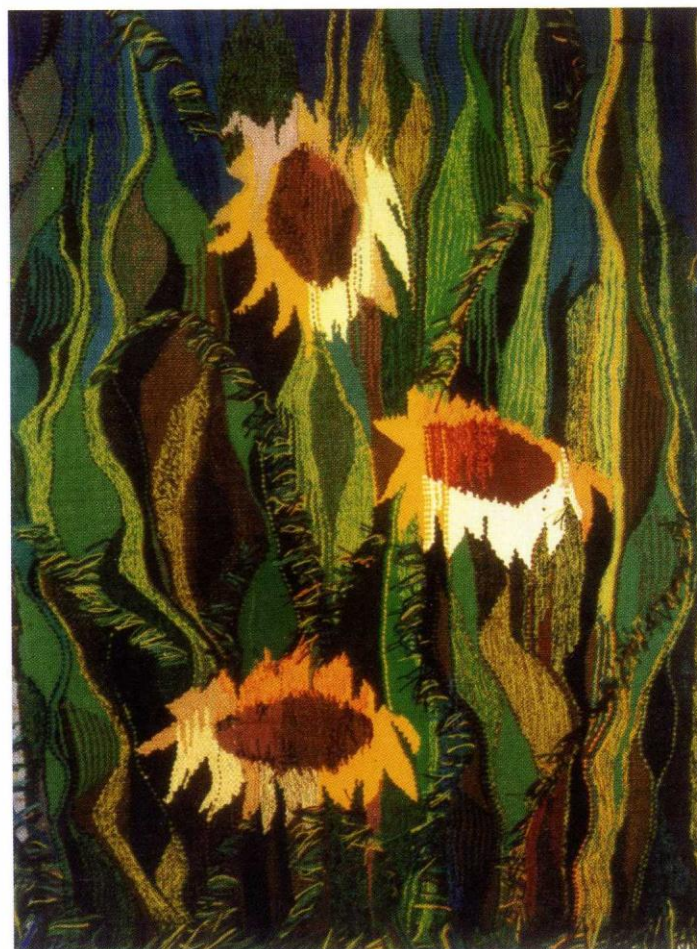
“Музыкант Ольга”
Холст, масло

“Розовое настроение”
Холст, масло

“Вечерний Иркутск. Распутица”
Гобелен, шерсть, ручное ткачество

“Подсолнечное лето”
Гобелен, шерсть, ручное ткачество. 2000г. 130x180

Яркостью и в то же время нежной выразительностью отличается натюрморт «Розовое настроение». Оптимизм и нежность — вот основные мотивы этой картины.

Если взять за аксиому утверждение, что все работы художника отражают его собственную личность, то можно поразиться глубине, широте и щедрости души Натальи, вместившей в себя такое богатство настроений и оттенков, от ярких, широких эмоциональных всплесков до тонкого, вдохновенного лиризма и философичности.

Может, в этом и заключается искусство настоящего художника — заставить нас взглянуть на заново открытый мир своими глазами и удивиться его ослепительным краскам, ярким эмоциям, сильным чувствам.

Наталье Балакиной это удалось в полной мере.

Светлана Зубакова

Страна поэзии

Надежда Грудачева

г. Новомичуринск

* * *

Лететь на крыльях ураганом,
Бежать волной по океану,
Играть струною старой скрипки,
В реке плескаться малой рыбкой,
Проснуться феей в царстве леса
И солнечным смеяться блеском,
И танцевать листом осенним,
С друзьями быть в цепи как звенья,
Вдыхать знакомый запах лета
И обойти пешком полсвета...
Так, что же я еще хочу?..
Но... странно, нету слов... молчу..
И как все это обобщить?..
Одним прекрасным словом — жить!..

Мария Пузанкова

г. Тулун

МЕЛОДИЯ

Полночный музыкант — холодный ветер,
Перебирает струны на кустах.
Уносит в небо музыку и вечер
И оставляет песню на губах.

Несутся ноты — листья озорные,
Разносят музыку по крышам и домам,
Лишь только звезды в небе золотые,
Молчат, опять подмигивая нам.

И ничего особенно вроде,
Но ты прислушайся к той музыке ночной,
Услышишь ты, как музыкант заводит
Мелодию, придуманную мной.

Мария Пуляева

г. Тулун

ЭТА ДЕРЕВЕНЬКА

Эта деревенька — светлый и забытый,
бесконечно милый сердцу уголок.
На крылечке старом, дождиком умытом,
Весело встречает рыжий нас щенок.

Домик деревянный, ставни голубые,
А в окошках вечный и волшебный свет.
Истина простая — для меня в России
Ближе и дороже больше места нет.

В кухоньке вечерней, теплой и уютной,
Важно кот пушистый моет лапкой нос.
Аромат кореньев, самовар надутый,
В полумраке чутко дремлет старый пес.

Утром, спозаранку выбежав во дворик,
Окунешься в воздух, как в прохладный сон.
Стол накрытый, солнце, молоко парное,
Черный хлеб домашний рыжим жжет огнем.

Где-то за дворами запах земляники
Будоражит, веет и зовет с собой,
Ну, а под ногами, под кустом гвоздики
Рыжие цыплята бегают гурьбой.

А в окне открытом отражение света,
Аромат черемухи залетает в дом.
А она, невеста, в белое одета,
На забор склонилась кружевным шатром.

А под вечер синий в горизонте алом
В тишине бормочет комариный дух.
И коров обратно, пыльных и уставших,
Гонит не торопко наш седой пастух.

Эта деревенька мне нужна как воздух.
В памяти ее ты не сотрешь, как мел.
Одного желаю, чтобы в этих окнах
Свет тепла и детства много лет горел.

Сирена поет

Александр Козырев

пос. Чунский, шк. № 1, 10 класс

ДЕРЕВЕНЬКА, МОЯ ДЕРЕВЕНЬКА

Деревенька, моя деревенька,
Как любил я к тебе приезжать
Это было довольно давненько
Даже трудно сейчас вспоминать.

От тебя я уехал далеко,
Это воля была не моя,
Но со мной поступили жестоко,
Я уехал в чужие края.

Через долгие, долгие годы
Вновь вернулся в деревню свою.
Рухнули будто небесные своды
На родную сторонку мою.

Посмотрел из окна электрички —
Сердце сжалось в груди у меня,
Показалась чужой с непривычки,
Неродная ты мне, не моя!

Только старые грязные стены
Да труба от кирпичной печи.
Я увидел в тебе перемены.
Тишина и покой. Все молчит.

«Кто тебя изувечил, родная?
Кто посмел тебя так истерзать?»
Отвечала ты мне, чуть кивая:
«Не могу поименно назвать!»

Я присел отдохнуть у березы,
Вспоминая былые года,
И из глаз покатались слезы,
Не вернуть их теперь никогда.

Алина Шапошникова

пос. Чунский, шк. № 1

* * *

Открытые окна, закрытые двери,
Как сложно попасть в этот храм.
Ты можешь лезть в рамы,
Тебе не поверят.
К дверям? Не пробьешься к дверям.

Ксения Мельникова

г. Иркутск, ИГЛУ, 2 курс

* * *

Страшно, как осень пришла незаметно,
Как небо покрылось холодным дождем.
Нет солнца, нет лета, нет теплого света,
Лишь тени и осень все так же вдвоем.

Долина печали из желтых осколков.
Они — это все, что осталось в душе.
И раны твои от жестоких уколов
Уже не болят, не тревожат уже.

А грязные брызги на стеклах витрины
Сотрут отраженье его и твое,
Чтоб ветер развеял их по долине;
Лишь тени и осень все так же вдвоем...

Снежана Чернышова

г. Иркутск, шк. № 26, 5 класс

* * *

Эх ты, шарик голубой!
Грустная планета!
Может, счастье где-то есть?
Может, радость где-то?
Для чего живу я здесь?
Я сама не знаю.
Может, прилетела я
И не улетаю!
А откуда я взялась?
Может быть, я с неба?
Почему тоскую я,
Грустная планета?

Иван Колокольников

г. Иркутск, шк. № 11, 7 класс

ИРКУТСКИЙ ВЕЧЕР

Стихла ругань собак, смолкли плачи котов,
Над Иркутском спускается вечер.
Фонари вдалеке, рядом — теннисный корт,
И не дует безжалостный ветер.

Я иду. Светит мне в поднебесье звезда.
Ты гори, мой фонарик, мой птенчик.
Серпик месяца виден (когда-то луна) —
Освещает дорогу дней прежних.

НА САМОЛЕТЕ

Земля застлалась дымкой,
И между облаков
Уж стала невидимкой
Она. Наш путь таков.
Когда на самолете,
Когда издалека
Махать тебе закончит
Родимая рука...

Анна Гилева,

*г. Усть-Илимск,
колледж менеджеров и переводчиков*

ТАНГО

Закружило апрельское танго
В вихре первых и странных недель.
Все мне раньше казалось туманно
И несбыточно, а теперь?
Закружило, и словно забыло
Сбавить ритм и выключить звук.
Может, было б немного иначе?
Может, не было б стольких разлук?
Глупых слез, ожиданий, ошибок?
Может не было б, а теперь...
Я стою. Я не знаю, что делать
И зачем я открыла ту дверь?
И зачем я тебя запустила?
Знаю, было бы лучше, поверь,
Если б не было страстного танго,
Закружившего нас в тот апрель.

Елена Зайцева

пос. Залари

* * *

Ты идешь в ожидании ветра,
Ты идешь в ожидании сна.
Слышишь сердцем далекую песню,
Повторяя украдкой слова.
И исчерчено красным небо,
Ты не знаешь другой земли,
Твоя песня давно забыта,
Над планетой летят корабли.
Лишь легенда, что дом человека
Где-то там, далеко-далеко,
Там над миром синее небо...
Много зелени, много цветов.
Что такое цветы — ты не знаешь,
Не представить тебе облака,
И никто не поймет твои мысли —
Ты родился и жил здесь всегда.
Много лет обитали здесь люди,
Они верят, что это их дом,
И живут, продолжая полеты,
Над планетой, покрытой льдом.
Скоро ты улетишь к другим звездам,
Тебе космос откроет врата,
Только в сердце — далекая песня,
Только в сердце — осколком мечта.

Имя

Валентина Соколова

Валентина Соколова родилась в г. Иркутске. Окончила Восточно-Сибирскую академию культуры и искусства по специальности «библиотекарь-библиограф». Основное увлечение — литературное творчество. Кроме того, увлекается астрологией и живописью. Публиковалась в «Советской молодежи». Любимый писатель Р. Желязны. Член литературного объединения «Неолит». Живет в Иркутске.

ЦЕРБЕР

Сказка

Много минуло лет с тех пор, когда ведьма Гриноза, разозлившись на мою матушку (мне помнится, матушка вылечила от наведенной ведьмой порчи нашего князя), превратила меня, тогда еще не вышедшего из юного возраста, в ужасного пса с ядовитыми змеями вместо хвоста. Она гнала меня хвостиком из ветки адского дерева через все княжество к дальней окраине; пока не показался из-за поворота дороги прекрасный замок с тонкими позолоченными башнями и высокой черной крепостной стеной. В лучах заката на стене ярко вспыхивала цветная мозаика: драконы, химеры, и прочая нечисть были сделаны гениальным художником; казалось, еще немного, и они зашевелились и с шипением, рычанием и визгом сползут на дорогу.

Гриноза хлестнула меня сильнее, чем прежде, и сказала, что если я буду исправно ей служить, она избавит меня, когда сочтет нужным, от мерзкого облика. Служба же состояла в том, чтобы охранять ее красавицу дочь от многочисленных претендентов на руку и сердце.

Колдовская власть Гринозы над мной была так сильна, что она могла приказывать что угодно и не сомневаться, будет ли исполнено ее повеление. К тому же во мне с принятием такого вида проснулась ужасная свирепость, очень мне не свойственная, ведь я рос кротким и послушным ребенком.

У меня не сохранилось ясных воспоминаний о том времени, только мало связанные между собой обрывки, как если бы я вспоминал долгий и кошмарный сон. Однако рыцаря Гваймайла, который хотел похитить Альмиру (так звали дочку ведьмы) через три дня после нашего прибытия в замок, я помню очень отчетливо: его ясные умные глаза, его русые пышные волосы до плеч, мягкие тонкие черты лица, кривую презрительную улыбку бордовых губ — когда быстрым движением надев шлем, он кинулся на меня с мечом. Я отпрыгнул, меч просвистел в воздухе, не задев меня. Когтистой лапой, бывшей еще недавно рукой ребенка, я ударил его по голове, он пошатнулся, но устоял; улыбнулся, видимо, думая, что я ударил его в полную силу. Через мгновение его меч снова

обрушился на меня и как бритва срезал мне кончик уха. Рыцарь опять промахнулся, и если бы не мое проворство, на этот раз удар пришелся бы мне по лицу (прошу прощения — по морде, я еще не видел своего облика, но лица у меня явно не было). Я разъярился, передо мной был больше не очаровательный юноша. А враг! Вторым ударом я сбил с него шлем, содрал доспехи, как скорлупу с ореха.

Однако это был настоящий рыцарь, без страха и упрека. Сейчас, на склоне дней, муки совести с особой силой тревожат меня; он не пустился в бегство и не выпустил меча из рук, он дрался со мной до последнего (хороша штучка — эта ведьма! То, что у меня вместо кожи такая крепкая шкура, что ее не берет меч, я понял, только сражаясь с Гваймайлом). Мне надоело его упорство, с каким он наносил не причиняющие вреда, но все же довольно болезненные удары, и я вцепился клыками в его плечо; он страшно побледнел, не сумел сдержать хриплого стога, печально посмотрел на выпавший меч; с дикой ненавистью, сверкнувшей в глазах, ударил меня железной перчаткой в нос. Я разжал челюсти, но лишь затем, чтобы сомкнуть их на его горле. Он дернулся, жизнь медленно покидала его глаза, когда я лакал соленую, вязкую кровь, при воспоминании об этом я испытываю непередаваемое отвращение, тогда же это было для меня непередаваемым блаженством.

Когда его глаза стали лишь зеркалами, в которых отражались серые облака, моя ярость прошла, и безжизненное тело красивого рыцаря, распростертое на поляне среди маленьких звездочек синих и розовых цветов, привело меня в ужас — мне стало жаль его. Лучшего жениха Альмире и желать было нельзя; уж на что наш князь и красив, и статен, а Гваймайлу и в подметки не годился. Я побежал к реке, там жадно припав к воде — пил, на минуту вода около меня приобрела бледно-алый цвет от смывшейся с моей морды крови; и вот она опять, прозрачная и блестящая, струилась среди склоненных над ней деревьев и густой сочной травы. Тогда-то в ее глади я и увидел себя, так сказать, во всей красе. Горящие красные глаза

на морде полусобаки-полукрокодила, длинные белые клыки, в углах которых еще оставались бурые пятнышки крови рыцаря, черная шерсть перемежалась с зелено-коричневой чешуей. В ужасе завизжав, я отскочил от реки и поклялся не смотреть на себя, пока не приму человеческий облик. Это решил использовать против меня один трусливый и хитрый рыцарь (одна видимость только: доспехи позолоченные, щит, изукрашенный резьбой и драгоценными камешками, — душу только свою подлую ничем ведь не завесишь). Он где-то узнал, что я всегда пью с закрытыми глазами, но он не подумал о свойственном мне исключительном слухе. Он выследил меня у реки и, подкравшись, уже намеривался просунуть меч мне в ухо (ибо только так можно убить меня, наверняка этот трус подкупил кого-то из личных слуг Гринозы), как я услышал слабый звук, отличающийся от шороха ветра среди листвы, открыл глаза и кинулся на вплотную подошедшего ко мне рыцаря. Такой злости я еще ни разу не испытывал, честный противник всегда вызывает уважение, а этого подлого рыцаря мне хотелось стереть в порошок. Я рвал и терзал его тело, хотя бесчестный дух давно его оставил. И, как щенок таскает тряпичную куклу, я еще долго таскал за собой его останки.

Как-то сама Гриноза пожаловала ко мне. Противно смеясь, она сказала, что довольна моей службой, и в награду обещала сказать, как мне вернуть человеческий облик. Призадумалась и захихикала еще гаже прежнего.

— Когда любимая чаша моей дочери, в которой она умывается водой, настоящей на травах, чтобы понравиться женишку, тому, что до нее доберется, — ты уж постарайся, миленький, чтобы этого не случилось — разобьется об твою голову, ты станешь опять человечешком и в виде особой милости будешь в том возрасте, в каком я тебя в этакое чудище превратила. Причем разбить ее должна я или моя дочь, а то не действует.

Вот на чьем горле я мечтал сжать свои зубы, но тогда до самой смерти я остался бы мерзким псом, да и колдовство ее удерживало меня на расстоянии. Мне ничего не оставалось делать, как

продолжать свою службу в ожидании когда Гриноза соизволит разбить об меня чашку.

Рыцарей я не боялся, я так научился их уничтожать, что это занимало пару минут, да и потом — последнее время шли все более неказистые и трусливые людишки. Толстый барон Рэм, которого я уложил, едва дотронувшись, и которого оставил бы в живых, не выстрелил он мне в спину из арбалета; щедушный граф Погар, такой противный в своей трусости, что, не прикончи я его, меня бы стошнило от дрожащих рук и выпученных глаз. Да разве их всех упомнишь? Сколько я тут? Был ли я когда-то маленьким мальчиком, которого матушка купала в родниковой воде с душистыми травами, или мне это приснилось в причудливом сне, а на самом деле меня вызвала из бездны ведьма, и я всегда был адским зверем. И только воспоминание о теплых материнских руках поддерживало гаснущую с каждым днем уверенность, что я все-таки когда-то был человеком. Матушка, как ты там — милая, добрая матушка, лучшая целительница в княжестве? Все глаза наверно выплакала, скорбя о своем дитятке. Не боишься ли ты теперь помогать людям, спасать их от козней злых ведьм, после такой-то ужасной мести, ведь осталось у тебя утешение твое — моя маленькая сестричка. Не отвернешься ли ты от меня, родная, когда прочтешь в моих глазах, как в книге, весь этот ужас. Перебери свои горшочки с травами; может, найдешь ту, что превратит меня опять в человека. Нет, нет, матушка не подвергай себя такой опасности, уж больно сильна Гриноза, не помогут в этот раз твои травы; она тут в своем логове, лишь чашка ее дочка снимет заклятье. Сколько мной пролито крови, матушка, — человеческой крови, крови моих братьев. Эти мысли как угли жгли мой мозг, а сердце будто сжимала чья-то грубая, шершавая ладонь. И в то же время это не были переживания ребенка — это маленькая искра человека терзала зверя. В полнолуние я всю ночь выл на невысоком холме и звал смерть — ибо устал я от своего душегубства.

Меня стали посещать призраки, чаще всех приходил Гваймайл, иногда

он садился рядом и, жестикулируя полувиснутой рукой, разговаривал со мной, я рычал на него, лязгал зубами, мне было страшно, я начинал скулить, а его высохшие желтые губы продолжали шевелиться, и в пустых глазницах застыло такое спокойствие, такая черная доброта, что я был готов ползать у его ног, вымаливая прощение, только бы он не приходил больше.

Альмиру я видел только один раз, в первый день моего пребывания в замке. На следующий день Гриноза вывела меня в рощу за крепостной стеной, и больше никогда у меня не было возможности побывать в замке, за исключением одного раза, но об этом после. Раз в неделю старый слуга наполнял большую миску каким-то скользким варевом и оставлял на опушке, стараясь как можно скорее вернуться в замок.

Итак, Альмира! Трудно представить себе более милое создание; говорят, чтобы родить ее, Гриноза обманом завладела семенем самого Астора — Бога, мечущего молнии. Насколько мать ее была безобразна, настолько Альмира была красива. Светлые локоны крупными кольцами обрамляли личико такой неземной красоты, что нет слов в человеческом языке, чтобы описать ее; резной обруч с рубинами охватывал ее лоб, аметистовые подвески спускались вдоль щек такого нежного оттенка, как серединка белой розы. Ее походка была так легка, а стан так тонок, что она казалась лучом солнца, принявшим человеческий облик. Мне даже подумалось (безумная зверюга), что стоило стать Цербером, чтобы только взглянуть на Альмиру.

— Смотри, девочка, — закричала Гриноза. — Славного сторожа я нашла, а то слишком тебя женихи одолели, самой мне не справиться.

Девушка подняла грустные яркосиние глаза, смесь страха и отвращения исказила ее прекрасное лицо, она резко отвернулась и побежала по лестнице, ведущей к тяжелой, окованной железом двери. На мои глаза навернулись слезы, впрочем, их никто не заметил.

Честно сказать, некоторых женихов я разрывал с удовольствием, за то что вообще посмели, такие неказистые, даже подумать о прекрасной Альми-

ре. Из них лишь первый, которого я убил, — некий Гваймайл, да еще два или три прекрасных рыцаря (жаль, не могу вспомнить их имен) были достойны ее руки красотой и храбростью. Я даже предпочел бы умереть, чтобы они добрались до Альмиры, но в переговоры со мной никто не вступал (возможно, это ослабило бы чары), они сразу кидались на меня с мечом, и чтобы избежать боли, (да и злили они меня порядочно), я убивал их, хотя Боги мои свидетели, сам того не желая, ведь мной управляла злая воля ведьмы.

* * *

— Гриноза умерла! — с таким криком слуги распахнули ворота замка. — Альмира свободна! — крикнула какая-то голосистая служанка.

Ах, они меня в расчет не принимают! Я выскочил из-за деревьев, и они в испуге захлопнули ворота.

На следующий день, наверное, сожгли тело Гринозы, потому что над замком повисло желтоватое облако, которое очертаньями напоминало грузную фигуру ведьмы; оно пролилось над рощей ядовитым дождем; листва сморщилась, но какое-то время оставалась тускло-зеленой, зато трава почернела и стала отвратительно пахнуть. Все обитатели рощи попрятались, не видно было даже насекомых; зайцы и белки забыли страх, лисицы и куницы — голод и скрывались все вместе в дуплах и норах. Только мне негде было спрятаться; прижавшись к стволу толстого дуба, я дрожал и повизгивал, когда на шкуру, прожигая ее, падала ядовитая капля. Когда дождь кончился, я чуть живой упал на черную траву; ночь и весь следующий день я не мог подняться. Хорошо (или нет — худо, потому что во мне все еще боролись желание умереть с жаждой жизни и освобождения), что в это время на меня не наткнулся какой-нибудь рыцарь, а то он бы без труда отомстил за своих собратьев и встретился с Альмирой. Раны загноились, свет мерк в воспаленных глазах, совсем рядом кричала какая-то пичужка: «тинь-тилин-тилилин-тиньтилин» и ее писк молотом бил по моей голове. Из-за деревьев вышли

волки. «Ну все, конец мне пришел, да оно и к лучшему», — мне было лень думать и тут у меня начались галлюцинации: матушка веткой от адского дерева отогнала волков и поманила меня; не знаю, как я поднялся на ноги, упал и пополз за ней. Выйдя на полянку, где уже начинала пробиваться свежая трава, матушка посмотрела на меня полными слез глазами и исчезла. Что? Что я должен сделать? Зачем матушка привела меня сюда? И тут мне захотелось, как какому-нибудь деревенскому щенку, поваляться на травке. И я стал медленно перекатываться на другую сторону поляны. Через минуту мне стало лучше, через час я смог встать и пройти несколько шагов; еще долго я тер спину о целебную траву, и к утру мои раны зажили. Матушка знала свое дело, никто лучше нее не разбирался в травах. Я выздоровел. Начинался новый день моей звериной жизни.

Когда я смог нормально соображать, тоска сжала мне сердце, потому что первая мысль была о смерти Гринозы, в этом был повод для радости, но мерзавка умерла, не разбив о мою голову чашку, что мне было делать? Я остался на страже прекрасной Альмиры. Почему я не ушел оттуда? Просто, несмотря на смерть ведьмы, ее колдовство продолжало действовать, и я не мог перейти границу ее владений: упругая стенка отбрасывала меня назад, хотя другие животные легко шныряли туда и обратно. Совсем отчаявшись, я хотел выломать ворота замка и найти Альмиру; возможно я смог бы заставить ее разбить об меня чашку, но со стены на меня посыпались камни — я чиркнул когтями по великолепной мозаике: разноцветные стеклышки посыпались на траву, и как рана на боку одного из драконов обнажился бурый камень; тут они начали лить горячую смолу — я отпрыгнул, огласив жутким воем окрестности, мне пришлось уйти ни с чем.

Совість меня уже почти не мучила, к чему она такому чудовищу, как я, к тому же которому никогда не стать человеком. И еще очень, очень, очень много скелетов валялось непогребенными в роще у замка. Теперь я уже не определял, красив или безобразен тот или иной рыцарь, я просто убивал их,

Умира

чтобы поесть, ведь со смертью ведьмы меня перестали кормить. А вдруг он был достоин Альмиры, думал я, глядя на обглоданные кости. До этого я мог думать только о том, как утолить голод. Но чтобы прокормиться, рыцарей не хватало, не всегда я мог соревноваться в проворстве с зайцами и косулями, голод вынудил меня съесть нескольких дровосеков и крестьян, но как бы я ни был голоден — я никогда не трогал детей и иногда, услышав их смех, прятался в густых зарослях и наблюдал за их играми, и странно тепло у меня в груди, и сладкие слезы текли из глаз. Недолго длились эти счастливые искорки в беспросветном моем существовании; прибежали испуганные родители и с криками: «Чудовище!», «Жить надоело, негодники!» шлепали детей и, схватив их на руки, смотрели с суеверным ужасом вокруг, иногда они встречались со мной глазами, не зная об этом, но все равно начинали дрожать и спешили скрыться, унося непослушных ребятишек. У меня совсем не было чувства времени, года проходили как дни, а один день стал для меня, как целый год.

Утро этого дня было прекрасно: прозрачное и свежее, оно купалось в ласковых лучах солнца; цветы открывали смеющиеся личики, сбрасывая с себя ночную вуаль (к тому времени и следа не осталось от ядовитого погребального дождя Гринозы); насекомые и птицы как будто решили дать концерт и стрекотали, чирикали, шелкали, предвещая этому дню что-то особенное. Я вышел на полянку и остановился, пораженный: в трех шагах от меня сидела маленькая девочка среди больших желтых цветов, две пестрые бабочки приняли ее голову за цветок и водили хоботками по волосам, отыскивая нектар. Она посмотрела на меня, протянула ко мне крохотные ручки и засмеялась; я обнюхал ее и лизнул в щеку, она же, ухватив мое ухо, трогала пальчиком длинный клык. Я забыл все свои злоключения, забыл, насколько я страшен, что мне надо стать человеком и даже черную птицу — мысли об убийствах — которая всегда сидела у меня на спине и клевала мою голову. Все, все плохое забыл я, пока девчушка теребила мою шерсть; если бывает на свете блаженство, значит, тогда оно было у меня

вполне. Поэтому я не сразу заметил молодую женщину, которая с решимостью обреченной на смерть бросилась ко мне: она схватила ребенка, я упал с небес на землю и зарычал: она остолбенела, но, видя, что я и не думаю нападать, осмелела, ее крик был похож на шепот:

— Детей уже не жалеешь, поганый пес! Госпожа Альмира уже знает, как тебя погубим, сюда уже скачет ЕДИНОРОГ! Прощайся с жизнью, мерзкая тварь!

Как она мне надоела, я вскочил на ноги и щелкнул зубами. Истеричную мамашу как ветром сдуло. А к вечеру появился единорог, вот когда мне пришлось сражаться по-настоящему, наконец-то Альмира предприняла что-то для своего освобождения. Он бросился на меня, и натиск его был быстр и силен, что не успел я опомниться, как он своим волшебным рогом пропорол мне бок. Шкура, которую не брал ни один меч, даже заговоренный, лопнула, как старый кожаный мешок от магической силы. Он повредил мне что-то из внутренних, потому что от этой раны я до сих пор не оправился. Видя, что я упал, он, почти не касаясь земли, побежал к замку. С трех ударов он разнес в щепки ворота замка (я так думаю, что этот единорог где-то очень долго накапливал магическую силу и поэтому был так силен), и его копыта застучали по золоченым плитам двора. Бешеная ярость заполнила мое сердце; не чувствуя боли, я кинулся следом за ним, прыгнул ему на спину, но соскользнул, и весь избитый копытами, я все же не дал ему возможности вонзить в меня рог во второй раз. Ударом лапы я на мгновение оглушил его, но этого хватило, чтобы я успел вцепиться в его горло. Казалось целую вечность он прыгал и вставал на дыбы, сметая моим телом навесы и повозки, но я не разжал зубов. И, обхватив его всеми лапами, я вдобавок хлестал его своим ядовитым хвостом. Наконец его передние ноги подогнулись, и он закричал так жалобно, как лебедь, потерявший подружку. Много смертей я видел, но не дай Бог видеть, как умирает единорог. Кажется, солнце померкнет, вода остановится, листва облетит и наступит царство вечного зла, если умрет это красивое, волшебное существо. А

сознание того, что это я убил его, сменило ярость во мне таким отчаяньем, что я перенес его только потому, что был зверем и к нему примешивалась радость нелегкой победы. Он затих, моя рана обильно кровоточила, вдруг замок поплыл у меня перед глазами, и я провалился во тьму.

Очнулся я незадолго до рассвета, утренняя звезда улыбалась на черном бархате неба, и сам удивился, какая я все-таки живучая тварь. Мое тело загораживало проем ворот, серебристым молочным светом блестел рог мертвого единорога, значит, магическая сила все еще была в нем. На сердце как будто лежал непомерной тяжести камень, голова шумела; в некоторых окнах замка горел свет, я поднялся, не обращая внимания на боль в боку, и стал подниматься по лестнице. Слуги закрыли дверь на все замки и засовы, но она не была для меня серьезной преградой, хотя была тяжелая, с железными пластинами в форме цветов. Сила единорога голубыми искрами окружала меня, я выпил ее, как вино, в последнее мгновение его жизни, лишь рог не дал мне ни капли; я зарычал, дверь вспыхнула синим пламенем и исчезла, не оставив даже пепла. Я прислушался, но говорят, что утренний сон самый крепкий, в замке было тихо, я поднялся по внутренней лестнице на второй этаж — где-то здесь должны быть покои Альмиры. Я так хотел еще раз увидеть ее перед смертью (я был уверен, что долго не протяну). Я заглядывал во все комнаты, большей частью пустые. В одной, прислонясь к стене, спали старые солдаты, не выпущенная из рук арбалетов. Еще в двух при догорающих свечах спали слуги, видимо собиравшиеся бодрствовать всю ночь; у кого-то в руках была кочерга, у кого-то большие ножи для рубки мяса, а одна худенькая девушка положила на колени топор. Несмотря на всю комичность ситуации — мне было не до смеха. Из последней, еще не осмотренной комнаты доносились приглушенные голоса.

— Альмира! — я заглянул в эту роскошно убранную комнату и при ярком свете множества свечей увидел старушку в кресле-качалке, которая разговаривала со служанкой, сидевшей у ее ног. Я зарычал: «Где же прекрасная Альмира? Ее нет

в замке! А может, никогда и не было?» Тут служанка услышала мое рычанье и, схватив руки старушки, закричала.

— Госпожа Альмира! Смотрите! — она показала на меня. — Это ваш сторож... Как он проник в замок?

«Альмира, вот это да, я живу здесь так долго, что Альмира успела состариться. Эта старуха — Альмира!»

Она повернулась ко мне, и ее сморщенное личико исказила страшная ненависть.

— А, это ты! Выжил, значит? — зашипела она. — Ты, из-за которого я, мечтавшая о любви больше всего на свете, умру старой девой! (Видимо, мамашу она в расчет уже не брала.) Ты, который загрыз их всех, даже не дав мне взглянуть на них. Будь проклят! Проклят! Вечное проклятие убившему единорога! — она смачно плюнула на меня и начала швырять чем попало в мою голову. Служанка не отставала от престарелой госпожи; я не уворачивался — сейчас или никогда. На меня как из рога изобилия сыпались подсвечники, статуэтки и другие мелкие предметы, все, что могла кинуть слабая морщинистая рука Альмиры, но служанка-то была молодая и здоровая, она и норовила запустить, чем потяжелее. Тут старуха (хорошо, что не служанка) схватила голубую с золотом чашу и стала бить ею меня по голове (я не сопротивлялся, и потому у ней хватило наглости подойти вплотную ко мне), пока та не разбилась. Едва ее осколки посыпались на пол, как дворец зашатался, сверкнула молния и чары злой ведьмы разрушились. Меня затошнило, кости, казалось, выдирали из суставов, все разом заболели зубы — но я благословлял всю эту боль, я становился мальчиком, я уже успел забыть, как это быть ребенком.

— Где он? Где Цербер? — кричала старуха, трясая седыми патлами, так как чепчик она сорвала с головы в ярости, когда увидела меня в облике Цербера.

— Он провалился в ад! Тереза, ты слышала грохот? Он наверняка провалился в ад!

— А ты откуда взялся, мальчик? О, Боги, да ты ранен. Тереза, позови доктора, да быстрее, быстрее — экая неповоротливая — это чудище укусило его! — И Альмира, эта чудная Альмира,

Илья

больше чем кто-либо достойная любви, мечтавшая о любви всю жизнь, прижимала меня, своего «палача», к себе и со всей неистраченной нежностью гладила меня по волосам, приговаривала, наклонясь к самому уху, из-за гомона сбежавшейся челяди.

— Не бойся, чудный малютка, старая Альмира не даст тебя в обиду. — Она целовала мои щеки, глаза, прижимала к своей иссохшей груди.

— Миленький мой, красотулечка моя, не плачь, чудовища больше нет. Альмира совсем одна на свете, будешь моим внучком? Будешь, а?

— Прости, Альмира, прости! — хотел крикнуть я, но горячие слезы душили меня, и, зарождаясь в сердце, острыми иглами прокалывая душу, толчками раздирая мозг — застревал в пересохшем горле вопль: КАК ЭТО НЕ-ВЫНОСИМО — БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

* * *

Распростерт под асфальтовым небом
Город.

Свет его фонарей тонет
В реках.

Друг у друга в глазах тонут
Люди.

На больших островах ждут
Героя.

Но рассвет застает всех
Нежданно.

И его проклиная,
Из норок

Выползают и стонут
Живущие.

«Что ты хочешь от нас,
Красноглазый?»

Он молчит, разрастается
В день.

За собой тащит их
В вечер.

Ночь придавит их лапой
Сна.

Как прошлогодняя рана на белой
Собаке

Распростерт под асфальтовым небом
Город.

ТЕАТР

Красивая сказка без правил игры,
Красивая сказка в закрытом пространстве.
Кинжалы и яды, балы и пиры —
В шелковом, парчовом, кисейном убранстве,
Скрывает больного проказой лицо
Блестящая, красная маска.
На пальце с большой стекляшкой кольцо.
Ведь это красивая сказка.
Ребенок, рожденный из снопа лучей,
Сидит на бетонном полу,
Валяются сотни погасших свечей
Да корчится шут на колу.
А выйдешь за двери — там ветер и снег
Играют афиши клочками.
Закончилась сказка, расходится век,
По снегу скрипя сапогами.

* * *

Открыло небо лунный глаз
В иероглифах облаков.
Не для нас значения этих фраз,
А для древних умерших богов.

Все сменяя друг друга,
Плывут письма,
Да раз в месяц моргает луна.
Скоро станут известны богов имена,
Прорастут скоро их семена.

С их приходом вернутся драконы,
Замки, рыцари, эльфы и гномы,
И годам потеряется счет,
Безнадежная скука умрет.

* * *

Пепельно-кудрявые дома,
Небо белое в прожилках веток,
И для мыслей, как тюрьма, тесна
Блеклость синевы тетрадных клеток.

Щелкают и капают вокруг
Монотонно-ласковые звуки.
Телефон — меня предавший друг —
Серым комом ежится от скуки.

Расплескалась времени вода
Мелочностью луж на тротуаре,
И не верится, что где-то есть звезда,
Выжившая в серости угаре.

Безответность холодом своим
Выстудила жизни моей вены.
Чей-то голос шепчет: «Улетим,
Лишь разрушим призрачные стены».

* * *

Сереет небо и сосны клонит
К земле тяжелый лохматый снег,
Могучий ветер надрывно стонет
Все убыстряя безумный бег.

Река замерзла и спит в оковах,
Как полонянка богов зимы.
Сверкают звезды в ледяных подковах
Коней строптивых — детей луны.

Девчонка вьюга несется в пляске
И белой юбкой вскружила лес.
Неспешно дарят друг другу ласки
Лисиц богиня и снежный бес.

В веселье жутком справляют праздник
На мягких, белых своих коврах,
Ведь скоро время их общей казни,
Весны жестокой с мечом в руках.

* * *

Дзинь — мелкие брызги стекла,
Дзинь — ночь на лицо светла,
Дзинь — что там разбилось, скажи?
Дзинь — наши с тобой миражи.

Элей — музыки льется туман,
Элей — воздух наполнил дурман.
Элей — танцовщица от пота блестит,
Элей — скалит зубы от счастья Лилит

Ом — одиночество солнца палит,
Ом — сострадание жаждой томит.
Ом — все уйдет, чтоб вернуться опять.
Ом — невозможно себя рассказать.

* * *

Заколдованный город у моря.
Я стою на дрожащем песке.
Так черны в этом городе зори,
Башни крошатся в зыбкой тоске.

По ночам там шумят карнавалы,
Фейерверки лобзают небо,

А меня лишь холодные скалы
Окружают справа и слева.

А просвет — этот город волшебный,
Где ворота всегда на запоре
Так влекущий, но недостижимый
Заколдованный город у моря.

* * *

Оправлю музыку в слова
Достойною витюю вязью,
Ведь музыка всегда права
Пред чистотой и перед грязью.

Пустые черные дома.
Пороги их омыты кровью.
Лишь музыка всегда права
Пред ненавистью и любовью.

Сползает мутная луна
К недостижимому покою.
Лишь музыка всегда права
Пред светом, тенью и пред тьмою.

Скользит по клавишам рука,
Скелет, склонясь, уходит в келью.
Лишь музыка всегда права
Пред жизнью, сном и перед смертью.

Хранят усмешку зеркала,
Желтеет в рюмках ром,
Лишь музыка всегда права:
Пред злом, покоем и добром.

* * *

Где безбрежные пространства,
Словно волны и утесы,
Бьются, пенятся и тают,
Был разрушен желтый замок
В роще стройных кипарисов.
Никогда никто не жил там,
В этом вычурном строении.
Никогда построен не был —
Он возник, как привиденье,
В битве двух миров враждебных
И стоял, пока пространства
Вдруг не стали отдаляться,
Утомившись битвой тяжелой.
Вздрогнул он и миллионом
Искорок упал на купол
Голубых небес прозрачных.
И когда миры зачем-то

Снова сблизятся друг с другом,
Искры вновь в одно сольются
И увидят, если будет
В это время кому видеть
Вместо звезд огромный замок
В роще стройных кипарисов.

* * *

Неоновая матрица
Алеет за окном.
Дела мои не ладятся,
Оставлю на потом.

Под утро понедельника
Чаинки вальс кружат,
А два старинных телека
Как белки мельтешат.

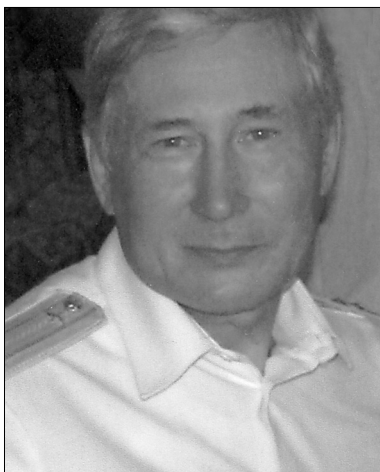
«Нет, не хочу безмолвия!
Не жажду тишины!» —
Я, глядя в небо, молвила,
Упало с вышины

Тяжелое молчание,
Но — светится неон,
И жизнь все время хочется
Оставить на потом.

* * *

Все телефоны — мышеловки
Для наших голосов и чувств,
Шуршанье в трубке,
Возможно, мышь?
Сбежавшая из прошлогодних разговоров.
Загнать себя в коробку с проводами
И радоваться, что уже не надо
Ни встреч, ни серенад, ни соловья с луной,
Бежать по проводам словами,
И трель звонка сойдет за серенаду,
А треп за длинное любовное письмо.
И кто-то скоро создаст роман
Из телефонных разговоров,
И жизнь уже не жизнь —
Мышиная возня
В прижатых к уху, сжатых в пальцах
(До красных отпечатков, если уж
Очень длинен разговор).
Возня в коробках-мышеловках
Для подлинности...

Юрий Баранов

Родился в 1946 году. Работал старшим пионервожатым в школе, машинистом башенного крана, матросом. В 1972 году окончил Тамбовское высшее военное авиационное училище летчиков. Служил в частях Военно-воздушных сил. В Иркутске живет с 1988 года. Пишет стихи, рассказы, пьесы, сказки. Автор гимна Дальней авиации России.

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

Пьеса в 2-х действиях, 16-ти картинах

Действующие лица:

М и х а и л С е р г е е в и ч Л у н и н — декабрист
Ф о м а Е р е м и н — дворовый человек господ Луниных
М и т я — студент
К а т я — студентка
Н а т а л и П о т о ц к а я — графиня
Н и к и т а М у р а в ь е в — декабрист
П а в е л П е с т е л ь — декабрист
А л е к с е й О р л о в — офицер
А л е к с а н д р Ч е р н ы ш е в — генерал-адъютант
С е н - С и м о н — граф
К о н с т а н т и н П а в л о в и ч — великий князь
Р о т м и с т р у л а н с к о г о п о л к а
Н и к о л а й I — император
Г р и г о р ь е в — поручик охранной команды Акатуйской тюрьмы
1-й солдат
2-й солдат
1-й часовой
2-й часовой
А р е с т а н т ы

ДЕЙСТВИЕ I

Картина 1

Зал музея декабристов в г. Иркутске.
Входят М и т я и К а т я.

М и т я. Ну и зачем ты меня сюда притащила? Скукотища. Пыльные портреты. Старые письма, сломанные веера. Осколки прошлого. Такая замечательная погода! Пошли на набережную.

К а т я. Митя! Какой ты бестолковый. Это же интересно. Они жили так давно, а ведь похожи на нас. Мы ходим на дискотеки, а они ходили на балы. Так же влюблялись, веселились, грустили.

М и т я. Разве что влюблялись и веселились. Ну что можно сказать о них? *(Паясничает.)* Страшно далеки они от народа. А если серьезно, то именно они начали раскачивать государственную машину. К чему это привело — мы тоже знаем.

К а т я. Ты не прав. Понимаешь...

Митя достает из сумки банку пива. Открывает и делает несколько глотков, затем ставит на какой-то стенд. В это время из-за шкафа крадучись появляется с т а р и к в ливрее, хватая банку, на цыпочках прячется за шкафом и пьет. Митя оборачивается и видит старика.

М и т я. Эй-эй! Что это такое?

С т а р и к. Жалко, что ли? Ну, старик я, старый старичок, пить хочу.

М и т я. Развелось бомжей. Хоть бы попросил.

С т а р и к. Как же, допросишь у вас! Да и не бомж я. *(Гордо.)* Я, можно сказать, призрак. Дворовый человек господ Луниных — Фома Еремин.

М и т я. Фома, да еще Еремин. Прямо анекдот какой-то.

К а т я. Может, он сумасшедший?

С т а р и к. Скажете тоже, барышня. Тут понятие надо иметь. Я вечный, как память. Пока помнят барина мово, Михайлу Сергеича, и я живу.

К а т я. И как же это вы живете?..

С т а р и к. А вот так. Два раза в год являюсь в своем обличье. А более все в невидимом состоянии пребываю.

М и т я. Допустим, я поверил. Ну, а кто такой Лунин? Вы уж простите нас, недоучек.

К а т я. А вот его портрет. Лунин Михаил Сергеевич. Родился... умер в Акатге 3 декабря 1845.

Ф о м а. Да не умер он вовсе!

Картина 2

В полутьме тесная темная камера. Горит свеча. На лежанке Л у н и н. Из-под лежанки вылезает Ф о м а.

Ф о м а. Барин, а барин. Опять захворал? Ничего, сейчас лечить будем.

Л у н и н. Ну что ты опять здесь делаешь? Сколько раз говорено. Не положено тебе быть здесь. В тюрьме я, а в тюрьме не должно быть у меня слуг.

Ф о м а. Это вы, барин, зря. Пригужусь я.

Л у н и н. Не знаю, сколько мне здесь куковать. Царь-государь своими щедротами меня не оставляет. А я уж постараюсь напомнить о себе чем могу. Он и не знает, что это дуэль. И последний выстрел еще за мной.

Ф о м а. Опять ты барин за свое. Все дразнишь медведя.

Л у н и н. Ну ты же знаешь, с младых ногтей люблю я это дело — медведей дразнить. Ну да ладно. Поговорили, и будет. Чтоб более я тебя здесь не видел. У каждого свой крест. И каждый несет его в одиночку.

Ф о м а. Ну, как пожелаете. Только, барин, беспокойно мне нынче.

Уходит.

Л у н и н. Так о чем я... Как прекрасно все начиналось. Мы с Сержем Волконским жили на Черной речке в Петербурге, держали девять собак и двух медведей, наводя страх на всю округу. Не отставал от нас в забавах Сашенька Чернышев.

Картина 3

Комната. На столе пунш, стаканы. За столом сидят о ф и ц е р ы в расстегнутых мундирах. Лунин поет.

Малиновый ментик
И белый колет.
Нет в жизни вопросов,
Есть только ответ,

В ответе просторы,
Луга и ветра.
Звон сабель и трубы
Зовут нас с утра.

Н и к и т а М у р а в ь е в. И что же, ты прыгнул с балкона третьего этажа? Зачем? Что на тебя, Муравьев, нашло?

Л у н и н. Мадам Валеская сказала, что в наш век в мужчинах не осталось ничего рыцарского. Ни один из нас уже более не способен броситься с балкона по приказанию красавицы.

Чернышев. Ты слышишь, Павел? А ведь он не влюблен в нее.

Луни н. И что же. Я — кавалергард и рыцарь. Вот и прыгнул.

Орлов. Господи, как глупо!

Муравьев. Нет, Мишель. В гармонии с самим собой ты мог под Аустерлицем врубиться в самую гущу боя. Дело было благородное — мы нашу пехоту выручали. А здесь рисковать явно не стоило.

Орлов. Совершенно глупый, мальчишеский поступок.

Луни н. Возьмите свои слова обратно, Алексис. Иначе вы мне не друг.

Орлов. И не подумаю. Участник трех сражений, награжденный за храбрость золотым оружием, прыгает по приказу записной кокетки.

Луни н. В таком случае я вынужден требовать сатисфакции.

Муравьев. Друзья. Да что же это происходит. Прекратите немедленно. Мишель! Никто не думал оскорблять тебя.

Луни н. Если не меня, то мадам Валесскую.

Орлов. Ну что же. Стреляться так стреляться.

Луни н. Здесь и сейчас.

Орлов. Непременно. Здесь и сейчас.

Чернышев. Да! Что бы ни говорили, а вся гвардия знает Лунина таким: забияка, острослов, шутник. Давно пора за ум братья, благо умом Бог не обидел. Но быть участником этого действия я не могу. Вынужден откланяться.

Муравьев. Постой, Александр.

Чернышев. Дела, дела, друзья. До завтра.

Приготовления к дуэли заканчиваются.

Пестель. Поскольку отговаривать бесполезно, путь будет хотя бы по правилам. Итак, первый выстрел за вами, Мишель.

Луни н стреляет в воздух.

Орлов. Следует проучить Вас, мой друг. Отваги вам не занимать, а вот разума не хватает. *(Тщательно целится, стреляет. Выстрел отрывает эполет на мундире Лунина).*

Пестель. Ну-с, долг чести исполнен. Обнимитесь и покончим с этим.

Орлов и Луни н жмут друг другу руки.

Луни н. Ни за что бы не простил тебя, черт побери, если бы не последняя фраза.

Орлов *(смеясь)*. О разуме?

Луни н. Нет, об отваге. Я ведь тщеславен.

Появляется Фома.

Фома. Опять дуэль. Скоко можно? Не успел раны-то залечить и опять за пистолы. Ну чисто петух, прости господи. Хотя бы женился, остепенился.

Уходит.

Луни н *(смеясь)*. О! Это что-то новое.

Пестель. Мишель! Шутки в сторону. Я давно собирался вам сказать то, что видят все просвещенные офицеры. Мы с вами были в походе и не могли не заметить, как разительно отличается положение народа в Европе и у нас. В России все еще крепостное право, крестьяне разорены, дворянство развращено и беспечно, хозяйство запущено и убого. Государь глуп и недальновиден.

Луни н. Эко, брат, ты далеко зашел.

Пестель. Если не взять меры вовремя, положение государства станет безвыходным. Я предлагаю осуществить союз. Скажем, Союз Спасения, который подготовит страну к реформам, создаст конституцию, ограничивающую власть монарха. Хотя честно, я еще не решил, что более подходит России — республика или законно-свободная монархия. Сам-то я склоняюсь к идее республиканской.

Муравьев. Мысль о республике меня смущает. Как это возможно в России?

Пестель. Армия должна заставить императора отречься от престола. А если последует отказ — применить силу.

Луни н. Гм... Bravo!

Муравьев. А... императорская фамилия?

Пестель. Сегодня рано об этом говорить. Сегодня важно определить главное — цель. Понять, готовы ли мы двигаться в этом направлении. Да! Возможно, нам не обойтись без крови. Как в таком деле без нее...

О р л о в. Ха-ха! Прапорщики и поручики хотят перевернуть Россию! Абсурд!

П е с т е л ь. Хватит шуток и сарказма. Что ты, Мишель, думаешь о моем предложении?

Л у н и н. Изволь, братец, изволь. Я думаю, что исходные мысли бесспорны. А сколько времени должно уйти на приготовление переворота?

П е с т е л ь. Думаю, нам потребуется немало времени. Лет пятнадцать.

Пауза.

Л у н и н. Есть средство ускорить этот процесс?

П е с т е л ь. Не знаю. Возможно...

М у р а в ь е в. Неужели ты думаешь, что среди нашего народа, привыкшего к божественной идее самодержавия, найдется человек, способный поднять руку на помазанника Божьего?

Л у н и н. Можно составить особый, так сказать, обреченный отряд. Я могу возглавить его. И встречу царя, к примеру, на Царскосельской дороге. А вы затем (смеется) казните меня как царевубийцу.

М у р а в ь е в. Мишель, ну что ты говоришь?

П е с т е л ь (*помолчав*). Нет! Это не выход. Вместо нынешнего царя править будет наследник, вас четвертуют. Вот и все.

Л у н и н. Павла убили, однако же никого не четвертовали. Впрочем, господа, сегодня мне не до этих игр. Я выхожу в отставку и уезжаю.

М у р а в ь е в. Как? Почему ничего не говорил раньше?

Л у н и н. Я думал об этом давно. А теперь решение принято. Я еду в Париж.

П е с т е л ь. Жаль, жаль. В кавалергардах вы были бы нам полезней. Кавалергардский полк полон свободомыслящих офицеров.

Л у н и н. Кавалергарды? Свободомыслие? Юноши наподобие корнета Ивашева? Князь Волконский, юнкер Анненков. Не слишком ли они дорожат своей репутацией, живут с оглядкой?

М у р а в ь е в. За это стоит уважать, а не порицать.

П е с т е л ь. Жаль. Нам нужны такие, как вы, Лунин. Но...

Л у н и н. Но я имею решение, и оно неизменно. Вы сами сознались, что ваше дело растянется на долгие годы. А жизнь и молодость проходят. Карьеру я делать не хочу. Для меня открыта только одна карьера — карьера свободы, и в ней не имеют смысла титулы. Все говорят, что у меня большие способности, а вы хотите, чтобы я схоронил их в какой-нибудь канцелярии. Я буду получать жалование и ничего не делать или того хуже, делать вздор, при этом надо мной будет идиот, которого я буду ублажать в надежде занять его место. Я задохнусь от этого. Нет, мне нужна свобода мысли, свобода воли и действий. Я хочу приносить пользу людям тем способом, который мне внушают разум и сердце. Решено. Я уезжаю.

Картина 4

Париж. Л у н и н в штатском.

Ф о м а. Чудны дела твои, Господи! Добрались Мы с барином до городу Парижу. Живем, хлеб жуем. Старый барин денег нам не дали. Вот Михаил Сергеевич работать должен. Срам-то какой. Их благородие — кавалергард — учит энтих басурман их же языку басурманскому.

Входит Лунин.

Л у н и н. Фома, у нас свечи остались?

Ф о м а. Остались, барин, остались. Опять все пишете, пишете.

Л у н и н. Что ты все ворчишь?! Пишу я, пишу. Роман из российской истории. Не грусти, старый. На хлеб я заработаю. Сестрица Катерина кое-что присылает. Нам с тобой хватит... Поживем, осмотримся и решим, что далее делать.

Ф о м а. Эх, барин, что мы забыли здесь, в этом Париже! Пароход давеча на реке видал. Дык, думаю, и в России мы такое увидим. А здесь ни щец похлепать, ни девку ладную погладить.

Л у н и н. Ничего, Фома. Гляди веселей. Чего это ты о девках заговорил. В Париже вон какие девушки красивые.

Ф о м а. Худые да тонкие. То ли дело на Тамбовщине.

Л у н и н. Это на чей вкус. Как у нас в Кирсановском уезде говорят: «Ехай

— не бойсь, а приехал — не смеись». Переживем и богатство и бедность. Все будет хорошо. Ступай, Фома.

Фома уходит.

Лу н и н (*поет*). Малиновый ментик и белый колет. Нет в жизни вопросов, есть только ответ.

Оказывается, столько вопросов, и ответа нет...

Учу французов французскому, перевожу деловые письма на английский, бедность приравнял к дуэли или кавалерийской атаке, пытаюсь даже от этого получить удовольствие. А ясности, что делать дальше, на что потратить свою жизнь, как не было — так нет. Ну, напишу я свой роман. А дальше-то что! Я хочу дела, от которого кровь в жилах будет струиться быстрее, сердце будет стучать громче, польза для отечества будет. Фома! Фома!

Входит Фома.

Фома. Чего изволите, барин?

Лу н и н. Выходной сюртук мне. У меня сегодня важная встреча.

Надевает сюртук.

Знаешь ли ты, ворчун, к кому я приглашен сегодня? Сам граф Сен-Симон принимает меня.

Фома. Ну, будто у нас дома графьев мало. Непременно в Париж ехать надо было.

Лу н и н. Опять ворчишь? Приготовь свечи и к ужину не жди.

Уходит.

Фома. Свечи приготовить... Значит, опять писать будет. И пишет все не по-нашенски. Я, батюшки мои, грамоту разумею, а тут буковки махонькие, угластые. Пишет-пишет, потом как вскочит и ну бегать по комнате. Либерта, кричит, либерта. Кто такая либерта? Может, сударушку завел? Так я никого не видел.

Картина 5

Комната Сен-Симона.
Сен-Симон и Лу н и н.

Сен-Симон. Устраивайтесь, мой друг, устраивайтесь. Я знаю, что вы пишете. Те отрывки из вашего романа,

которые мне давали читать, позволяют видеть ваш талант. А как вам французские литераторы?

Лу н и н. На мой взгляд, во Франции литераторы слишком увлечены стихами.

Сен-Симон. И что же? Это плохо?

Лу н и н. Я считаю, что проза гораздо лучше выражает идеи, которые составляют поэзию жизни. А стихотворные строки хотят заковать мысль в угоду придуманным правилам.

Сен-Симон. Вы не правы. А как же Мольер, Расин с их трезвостью и философией?

Лу н и н. Мольер и Расин действительно хороши. Даже рифма у них не помеха. Но стихи — это забава для молодых народов. А говорить с вами сегодня я хотел не о литературе, а о ваших социальных идеях.

Сен-Симон. О! Вы слишком любезны. Это бальзам на мое тщеславие. Мои идеи и труды в этом направлении не слишком известны.

Лу н и н. Коротко говоря, ваша теория основана на том, чтобы соединить христианство и социалистические доктрины.

Сен-Симон. Схвачено верно. Но вы формулируете слишком уж плоско и четко. Я бы сказал, однолинейно. Хотя в глубине души именно это меня и заботит.

Лу н и н. Однако, граф, нужно видеть сущность человека. Его душу. Верить в искру божественного начала в человеке — это хорошо. Но как быть с опасностью повального равенства? Достоин ли человек всеобщего равенства? Равенство дурака и умного. Равенство бандита и праведника. Приведет ли это к торжеству христианских принципов? Даст ли это гармонию духа и поведения?

Сен-Симон. Да, вы правы. Если бы вы знали, как мучит меня это туманное место о природе человека в моей теории. Вы доставили мне истинное удовольствие этой беседой, молодой человек. Бывайте у меня почаще.

Лу н и н. Спасибо граф. Но сестра из России пишет, что отец болен. Обстоятельства вынуждают меня торопиться домой.

Сен-Симон. Жаль. Вы способный молодой человек. Вернетесь на родину, как все русские займетесь политикой, а политика талантливых людей губит.

Картина 6

Входит Фом а.

Фом а. Вот так-то. Слава тебе, Господи! Дома! Барин мой вернулся на военную службу. Сначала в уланский, а затем в лейб-гвардии Гроднинский гусарский полк. Посмотрели бы ихний папенька, да были бы довольны. Сам брат императора звал его на службу. И сударушка у него завелась. Красивая, тонкая да звонкая.

Появляется великий князь Константин со свитой, с ними Луни н.

Кн. Константин. Ну что, унялся от проказ? Помнится, и меня на дуэль вызывал когда-то.

Луни н молча улыбается.

Кн. Константин. Да! Молодость, молодость. Ты всегда был гордец и любитель дразнить медведя. Служи. Отзывы о тебе самые благоприятные. Да и пора друзей догонять. Многие уж в генералы вышли, а ты, братец, все в подполковниках ходишь.

Луни н. Не в чинах честь, ваше высочество.

Кн. Константин. Знаю-знаю. Это в тебе опять гордец говорит. Пойдем-ка, покажешь, на что способен. Уланский полк пора инспектировать. Уж заждались.

Луни н. А что их инспектировать, Ваше высочество, я и так скажу. Уланская амуниция для дела не годна — только для парада.

Кн. Константин. Говоришь, не годна? А ну проверим (*обращается в сторону кулис*). Уланы! Слушай команду подполковника Лунина!

Луни н. Слу-у-шай! С коня! На ко-оо-нь! (*Грохот, звон, шум падения. Хохот свиты.*)

Кн. Константин. Молодец! Настоящий гусар. Свой-свой. Все наши шутки знаешь! (*Поворачиваясь к другому адъютанту.*) Позови-ка ротмистра.

Подбегает ротмистр.

Кн. Константин. Видел, братец? Каков балаган?!

Ротмистр. Так точно, ваше императорское высочество!

Кн. Константин. Не ори, братец. Видел, какова выучка? (*Кивает на Лунина.*) Поучись, поучись. Чтоб больше я такого не видел.

Ротмистр. Обмундирование по инструкции...

Кн. Константин. Поди прочь, ротмистр.

Луни н. Будьте мужчиной, ротмистр. Его высочество понимает, что обмундирование кавалерии зависит не от вас. От вас же требуется только соблюдения приличий

Ропот свиты: какова дерзость!

Луни н (*поворачиваясь к великому князю*). Прошу вас, ваше высочество, не наказывать ротмистра. В этой шутке виновен я — меня и наказывать.

Кн. Константин. А ты не советуй. Опять дерзишь? Твое счастье, что мне такие по душе. Иди, милый, иди, не раздражай меня. Побольше бы таких офицеров, и мы бы заткнули за пояс петербургскую гвардию.

Уходят.

Картина 7

Луни н. Казалось бы, все определилось в жизни. Привычная служба кавалерийского офицера. Привычная рутина. Но нет в душе моей покоя. Меня не понимают. Хотел освободить своих крестьян, а они говорят, что жить за хорошим барином лучше, чем быть вольным. От тайных дел и обществ я отошел вовсе. Пестель все торопит свою колесницу к республике. Никита торопится к свободно-законной монархии. Но время идет, и двойственность моего положения гнетет меня. С одной стороны, я — богатый помещик, живущий трудом крестьян, с другой стороны — я желаю их освобождения. Я верно служу царю — и желаю ограничения его власти. Поехать, что ли, к Потоцким. К Натали... Только мысли о НЕЙ отвлекают меня сегодня. В НЕЙ я нашел идеал прекрасной дамы, о которой грезил всегда. Другой такой девушки я никогда не встречу. Влюбиться

в девушку из королевского рода — что может быть ужасней. Не любить нелзя — а любить горько. Что я, тамбовский дворянин, могу дать ей? Только любовь и честь, честь и любовь. А тут еще это известие из Петербурга.

С другой стороны сцены высвечивается фигура великого князя Константина. Он сидит за столом.

Луни н (обращаясь к князю). Никогда не думал, что так страшно будут звучать слова «Сенатская площадь», «Московский полк», «Манифест», «14 декабря». А еще страшнее, что я в роли отставшего. Вы знаете, что чувствует боевой офицер, отставший от своего полка? А в это время волк попал в засаду и весь, весь до единого человека погиб. Как мне жаль их, и тех, кто стоял в каре на площади, и тех, кто стрелял в них картечью.

Поворачивается к столу.

К н. К о н с т а н т и н. Должен признаться, я долго отбивал тебя. Почти в каждом письме Николая хоть что-нибудь да есть про тебя. Неохота мне отдавать тебя ему в руки, а как бы не пришлось. Он там всех пересажал в казематы, заковал, напугал. И кого? Боевых офицеров. Они до Парижа дошли во славу России, а их... Не ожидал от него такой прыти. Отца убили, и ничего — двух-трех сослал в поместья, а тут жив и лютует. Эх, если бы не мое отречение — быть бы мне царем, а тебе первым среди первых. А теперь — в каземат, в крепость. Ну уж дудки! Еще поспорим. Я хотел бы спасти тебя, но не знаю как. Ты прочел опросный лист из Петербурга?

Луни н. Да, ваше высочество.

К н. К о н с т а н т и н. А как отвечать будешь?

Луни н. Отвечу. Но удовлетворю ли?

К н. К о н с т а н т и н. Да знаю я тебя. Никого не назовешь. А ему такие ответы не нужны. Потребует арестовать и отправить с фельдъегерем. Вот что, брат, пиши ответы, а пока нет фельдъегеря, отправляйся-ка ты на охоту. Но я беру с тебя честное слово, что ты вернешься. Так даешь?

Луни н. Разумеется, даю, ваше высочество, и, разумеется, вернусь.

К н. К о н с т а н т и н. Вот и славно. Только запомни. Пощады не будет.

Луни н. Спасибо, ваше высочество, вы правы.

Уходит.

К н. К о н с т а н т и н. А? Каков характер!.. Жаль, что вернется.

На сцене Луни н и Фома.

Фома. Барин, а барин, коли ждешь, что за тобой придут, — самое время попрощаться с сударушкой.

Луни н. С какой сударушкой?

Фома. Чего лукавишь, барин? С графинюшкой. Хоть и худая да тонкая, не как наши девки тамбовские, а видно, душа в ней ангельская. Не по-людски, барин, будет, ежели не попрощаешься.

Луни н. Для нее счастьем будет забыть меня. И чем быстрее, тем лучше.

Фома. Эх, барин-барин, все у тебя не по-людски. Женился бы, детишек народил... А ты... То в словеса, то в небеса. А тело куды девать? Оно вот. Есть, пить просит.

Луни н. Не трави душу, Фома. И без того тошно. Ступай.

Входит Натали.

Луни н. Натали! Зачем вы здесь?

Натали. Вы мне не рады?

Луни н. Рад, конечно, но...

Натали. Если рады, то ни слова больше. Похоже, что вы собираетесь уехать, не простившись.

Луни н. Простите меня, но кто я для вас, чтобы требовать внимания к себе?

Натали. Кто? А я думала, что мы хорошо понимаем друг друга даже без слов. Вы... вы бесчувственный бонвиван, легкомысленный гусар!

Луни н. Натали, я действительно люблю вас всем сердцем. Я знаю, что никогда не смогу полюбить более, но...

Натали. Что но... Будете рассказывать мне о том, что вам 37, а мне — семнадцать? Это не пугает меня. Я впервые увидела перед собой офицера, рыцаря, отважного, умного, наделенного многими талантами, а не павлина, которого научили говорить комплименты и повторять пошлые шутки. А вы...

Лу н и н. Натали! Я отдал бы половину своей жизни, чтобы остаться с вами, но я уже не принадлежу себе.

Н а т а л и. Вы... Вы замешаны в этих петербургских событиях?

Лу н и н. Нет, Натали, нет.

Н а т а л и. Нет? Тогда молчите.

Лунин обнимает Натали.

Н а т а л и. Обещай, что я еще увижу тебя...

Картина 8

На сцене Николай I.
Вокруг сановники.

Н и к о л а й I. ...Повелеваю составить тайный комитет для изыскания о злоумышленном обществе. Господа, не жалеть ни времени, ни себя для отыскания истины. Привлекать в дело всех, кого надобно будет!

Вокруг начинается суета, вводят и выводят арестованных в разорванных мундирах, с оторванными эполетами. Звучат обрывки фраз:

— Виновен в замышлении бунта...

— Дух времени такая сила, перед которым не в состоянии устоять...

— Все показанное мною справедливо.

— Да, замышляли установить законно-свободную монархию.

— Освободить народ от рабства.

— Общество погибло вместе с нами.

Звучит колокол. Все замирают.

Я уверен, что мы погибнем.

Ах! Как славно мы умрем!

Звучит колокол.

Н и к о л а й I (*читает*). Все покушения и планы злоумышленников равно очевидно ознаменованы и нетерпеливостью страстей, и ничтожеством средств.

Свет гаснет.

Картина 9

Комната. Окно с решеткой. За столом генерал Ч е р н ы ш е в. Конвой вводит Лу н и н а.

Ч е р н ы ш е в. Входите. Садитесь, Лунин. (*Лунин неспешно, с достоинством садится.*) На вас имеются показания не-

которых видных членов тайного общества. Рекомендую вам облегчить вашу совесть чистосердечным признанием. Государь наш строг, но справедлив. Главною задачей он нам поставил: лучше десять виновных освободить, чем осудить одного невиновного. Это говорит о доброте и милосердии императора. Итак, говорите.

Лу н и н. О чем? На все предложенные мне вопросы в опросных листах я ответил.

Ч е р н ы ш е в. Вы же знаете, что ответы ваши неудовлетворительны. Вам придется все писать заново. Ведь ваши сотоварищи все это время не молчали. Послушайте меня. Нас связывают воспоминания молодости. Мне искренне хочется вам помочь. Право, вы всегда искали журавля в небе, а синицу оставляли мне. Благо синица мне досталась весьма приличная. Но не могу я не предупредить вас, что дело серьезное. Пощады не будет. Более всего будет цениться раскаяние. Поверьте, что ваша честь в случае заpiresательства подвергнута будет еще большему унижению. Не думайте, что я запугиваю. Все еще хуже, чем представляется.

Лу н и н. Но ведь ничего и не произошло. Император жив.

Ч е р н ы ш е в. Лунин, не играйте с огнем. Ваше дело, по сути, пустяковое. Мало ли о чем можно было болтать по молодости лет. Вас-то уж давно назвали. Раскайтесь и дело с концом.

Лу н и н. Если пустяковое дело, отчего же не отпустите меня на все четыре стороны? Раз вам все известно, а ищите вы истинно виновных...

Ч е р н ы ш е в. Будет, Лунин, будет. Я задам вам серьезный вопрос. Где бы вы были 14 декабря, будь вы в Петербурге?

Лу н и н. Не знаю. И хотя я давно отстал от общества, готов отвечать за его действия.

Ч е р н ы ш е в. Все дерзите, Лунин. Еще раз советую вам покаяться и назвать членов тайного общества.

Лунин молчит.

Ч е р н ы ш е в. Назовите хотя бы основателей общества.

Лу н и н. Доносить на друзей и братьев!..

Чернышев. А ведь ваши друзья и братья уже назвали вас среди тех, кто замышлял цареубийство. Помните — партия в масках на Царскосельской дороге.

Лунин. Намерения или цели покуситься на жизнь блаженной памяти государя императора я никогда не имел. В разговорах же могло случиться, что я и упоминал о средстве в масках на Царскосельской дороге, но никогда от себя одного предложения никому не делал. Мое мнение всегда было — монархическое правление с весьма ограниченной исполнительной властью.

Чернышев. С которого времени и откуда заимствовали вы этот образ мыслей? И кто способствовал этому?

Лунин. Странно, что вы об этом спрашиваете. Свободный образ мыслей во мне с тех пор, как я начал мыслить. А укоренению сего способствовал почивший в бозе государь император Александр Павлович своей речью на открытии Варшавского сейма 15 марта 1818 года.

Чернышев. Что за чепуху вы городите?

Лунин. Сашенька! Мы были друзьями, и вы лучше других знаете меня. Я никого не называю. Я ведь дворянин и офицер. Я разделю судьбу моих друзей потому, что разделяю их убеждения.

Чернышев. Опять ваш гонор. Но уже нет ни дворянина, ни офицера. Есть арестант Лунин.

Лунин. Вы опять не поняли. Долг и честь для меня выше моего положения.

Чернышев. Надеюсь, крепость отрезвит вас.

Картина 10

Сцена разделена на клетки. В каждой отдельной клетке узник.

1-й часовой. Сл-у-у-ша-а-й!

2-й часовой. Слушай!

Идут навстречу друг другу.

1-й часовой (оглядываясь). Дядя, ты табачком не богат? Одолжи на трубочку, Христа ради.

2-й часовой. Куды свой-то девал? Опять просишь. На-ко, одолжись. А боле не проси. Не дам.

1-й часовой. Благодарствую... Дядя! А чего это господа бунтовать вздумали?

2-й часовой. Это, брат, сразу и не скажешь. Тут государевы дела. Господа хотели Миколая, заманили Александра Павловича в Таганрог и там решили его... Народ взбунтовался, не хотел Миколая, хотел Константина. А Константин собрал Трубецкого, Волконского и не сдавался. А когда стали палить из пушек, все разбежались. Константин сел на корабль (он был флотский) и уехал без вести за океан... За океаном корейская земля была, он и обосновал там Корею.

1-й часовой. Вот чудеса Господни!

2-й часовой. И еще сказывали, будто принцесса объявилась: Конституция. Хотела тож на трон сесть, Миколай и ее прогнал. А ты говоришь... чего, чего. Не нашего ума это дело. Не нашего.

1-й часовой. Кажись, идет кто-то?

2-й часовой. Слушай!

1-й часовой. Слушай!

Расходятся.

Лунин. Сегодня вы опять приснились мне.

Потоцкая. Я знаю.

Лунин. Дайте мне руку. Какая теплая рука. Простите меня, Натали. Меня угнетает чувство вины перед вами.

Потоцкая. Вы ни в чем не виноваты. Мне только хотелось, чтоб вы были рядом.

Лунин. Увы, именно этого и не может быть.

Потоцкая. Почему вы ничего не сказали мне на прощание?

Лунин. Как мог я оставить вам надежду! Я ведь уже не вернусь, Натали. Впереди у меня только венец терновый. Прощай, любовь моя, Натали.

Картина 11

Выводят по очереди арестантов.

За кулисами голос председателя суда. Господа! Государев преступник Павел Пестель обвиняется в председателе замышлении бунта и цареубийства. Ваши мнения господа?

Голоса членов суда:

Четвертовать.

Четвертовать.

Предать лютой, поносной казни.

Смертная казнь.
Смертная казнь.

Голос председателя суда:
Муравьев-Апостол...
Каховский...
Бестужев-Рюмин...
Рылеев

Голоса членов суда:
Казнить, четвертовать...

Поднимаются решетки, выходят узники и под бормотанье судей обнимаются.

20 лет каторги.
20 лет каторги.
По уважению ходатайства императорско-го высочества...

По уважению совершенного раская-ния...

Разжаловать в солдаты с выслугой...
Поставить в вину намерение и умысел...
Прощайте, братья!

Барабанная дробь. Медленно гаснет свет.

Голос за сценой:

Задумчивый и одинокий,
Я по земле пройду, не знаемый никем.
Лишь пред концом моим
Внезапно озаренный
Узнает мир, кого лишился он.

ДЕЙСТВИЕ II

Картина 1

Нерчинский завод. Арестанты с тачками. За сценой голос: «Шабаш! Шабаш!» (*Все бро-сают работу, садятся и ложатся тут же*). Входят новые арестанты, которых охраняют солдаты.

1-й а р е с т а н т. Князь! Ну, вылитый Стенька Разин!

2-й а р е с т а н т. Здравствуйте, го-лубчик! Здравствуйте, господа! Если я Стенька Разин, то вы неминусом походи на Ваньку Каина.

1-й а р е с т а н т. Как добрались до нас?

2-й а р е с т а н т. Как и положено государевым преступникам. Где пешочком, а где и на телеге подвезли. Вон Лу-нин все ноги стер. Непривычно ему, гу-сару, пешим порядком передвигаться.

Л у н и н. Нам-то еще повезло, не-которым пришлось половину пути в кандалах проделать.

1-й а р е с т а н т. Ничего, господа! Тюремщики наши удивлялись всю до-рогу нашему бодрому виду.

Л у н и н. Да, господа, теперь-то мы знаем — мир делится на две части: до Иркутска и после него.

2-й а р е с т а н т. Что так?

Л у н и н. Так за провоз до Иркутска взяли 3 рубля 30 копеек, а от Иркутска до Нерчинска — 3 рубля 36 копеек. Вот и получается — почти поровну. А как живетесь вам здесь, друзья?

Я к у б о в и ч. Живем. Человек ко всему может привыкнуть.

Л у н и н. И во всем найти прелесть своего существования.

1-й а р е с т а н т. Это вы далеко хватили. Что же прелестного в нашем существовании?

Л у н и н. У бурятов, к вашему све-дению, есть поверье о том, что счастье человеческое складывается из 77 частей. В этих частях вся жизнь.

— Чтоб никогда Луна не закрывала Солнца.

— Чтоб дождя было больше.

— Чтоб снег выпадал только зимой.

— Старики чтоб жили до глубокой старости.

— Чтоб стрелы мимо добычи не про-летали.

И так до 77. Вот вам и вся филосо-фия. И заметьте, ничего нет матерьяль-ного. Ничего от лукавого.

Г о л о с з а с ц е н о й. Кончай шаба-шить! Работать пора!

Все встают.

Картина 2

Сцена разделена на клетки. В клетках арестанты. В центре сидит Н и к о л а й I. Решетка поднимается. Арестанты выходят, ритмично позванивая кандалами, и идут по кругу (*звяк, звяк...*)

Н и к о л а й I. Опять эти звуки. Опять они здесь. Зачем вы пугаете меня? Зачем? Я выполнял свой долг. Долг го-сударя.

П е с т е л ь. И ты говоришь о дол-ге?

Н и к о л а й I. Да! Мой долг бе-речь государство российское и не до-пустить смуты! А вы посмели.... Вы предали меня — своего царя, а потом

предавали друг друга, торопились дать показания. Что скажешь? Трубецкой! Ты, несостоявшийся диктатор! Ты предал не только меня, но и своих друзей. Они ждали тебя. А ты так и не вышел к ним. Так в чем же был твой долг и где твоя честь?

Трубецкой. Вы правы, ваше величество, за свою нерешительность и расплываюсь.

Николай I. Не ты ли, Пестель, выдал всех, кого знал?

Пестель. Я всего лишь хотел дать вам понять, как много людей в России разделяют наши убеждения.

Николай I. Да! Поэтому надобно было вырвать заразу с корнем. Навсегда! Не пороли вас никогда!

Лунин. Вы правы, ваше величество, все оттого, что мы непоротые дворяне.

Пестель. Два поколения непоротых дворян. Могу позволить себе дать вам совет. За совет с того света уже не накажут. Запретите школы. И пороть, пороть!

Николай I. Молчи! Прочь! Прочь от меня! Вас забудут. Вас всех забудут, и в России будет мир и благоденствие.

(Звяк, звяк, звяк...) Арестанты удаляются. На сцене одна фигура. Фигура подходит к свету. Это Фом а. Он падает на колени перед царем.

Николай I. Это что еще такое. Кто таков?

Фом а. Батюшка-государь! Милостивец! Прости маво барина. Он хоть и воин справный, но чисто блаженный.

Николай I. Да кто твой барин? Говори толком.

Фом а. Барин мой Лунин Михаила Сергеевич.

Николай I. И не проси. Обвиняется он в заумышлении цареубийства. Ты слышишь, холоп, цареубийства?!

Фом а. Оговор это. Оговор! Не губи. Он сам ничего не просит. И на каторгу и в узилище пойдет из гонору. Одно слово, блаженный.

Николай I. Нет! И не проси. Да как ты попал сюда?

Фом а. Прости, царь-батюшка, приснился я тебе, мы все приснились.

Николай I. Хоть и дерзок ты, мужик, но за любовь и верность барину

милую. Иди с миром. Вот тебе рубль на водку.

Фом а. Да не нужен мне, батюшка, рубль твой. Думаешь, русский мужик за водку все отдаст?! Накося выкуси! (Показывает фигу.)

Николай I. Ах ты, смерд, хам! Я вот тебе!

Фом а. Как же, ждали мы! (Исчезает.)

На сцене остается один Николай I.

Николай I. А что? Может, вправду помиловать этого бретера. Пусть поживет на поселении. А не оправдает моей милости — на себя пусть пеняет.

Картина 3

Комната Лунина в Урике.

Лунин (пишет). Дорогая сестрица моя! Приятно сообщить тебе подробности моего бытия в Урике. Любезная моя сестра! Тело мое испытывает в Сибири холод и лишения, но мой дух, свободный от жалких уз, странствует по долинам Вифлеемским, бдит вместе с пастухами и вместе с волхвами вопрошает звезды. Всюду я нахожу истину и всюду счастье и все больше понимаю, что настоящее житейское поприще наше началось со вступлением в Сибирь, где мы словом и примером призваны служить тому делу, которому себя посвятили. Я знаю, что через несколько лет те мысли, за которые меня приговорили к долгой смерти, будут необходимым условием гражданской жизни. Остаюсь любящий тебя брат — Михаил Лунин.

Голос за сценой.

Ув а р о в а. Дорогой брат! Прости меня за то, что так мало забочусь о тебе. Мой дорогой, с тех пор, как разрешили тебе поселиться в Урике, ты стал более несдержан в письмах. Недавно их высокопревосходительство Александр Христофорович сообщил мне, что письма, написанные тобой из Сибири, позволяют у смотреть, сколь мало ты исправился в отношении образа мыслей и сколь мало посему заслуживаешь испрашиваемых для тебя милостей.

Лу н и н. Сестра моя! Мои часы проходят в тишине кабинета или в гар-

монии сибирских лесов. Удивительная постепенность счастья. Чем ближе я к цели своего плаванья, тем попутнее становятся ветры. Нечего тревожиться, если облака снова собираются на горизонте. Эта буря пройдет, как и все другие, и только ускорит мой вход в гавань. Я задолжал нашим правителям последний выстрел. Он все еще за мной. Все как на дуэли.

У в а р о в а. Дорогой брат! Спешу с оказией предупредить тебя. Недавно иркутский генерал-губернатор сообщил государю-императору о книгах, написанных тобой в Урике. Поведение твое открыто чиновником особых поручений Успенским.

Л у н и н. Дражайшая сестра моя! Ты должна получить: первое — «Обзор русского тайного общества с 1816 по 1826 год». Второе — «Письма из Сибири», третье — «Разбор дел тайной комиссии 1825 года». Прошу тебя уведомить меня о получении этих трех рукописей. Я надеюсь, что мое желание об издании этих трех рукописей будет свято выполнено. Жду новых преследований властей из-за «Писем из Сибири». Но это меня не беспокоит. Ведь ты не забыла — за мной последний выстрел.

На другом конце сцены высвечивается фигура Н и к о л а я I.

Н и к о л а й I. Как он посмел! Немедленно учинить следствие и обыск в доме Лунина. Со всем тщанием изъять все бумаги! А самого Лунина — в Акатуй! Немедленно!

Л у н и н. Боже, дай мне силы перенести то, что я не в силах изменить. Боже, дай мне силы изменить то, что я не в силах перенести. Боже, дай мне мудрости — не спутать первое со вторым! Дай мне силы, Господи!

Картина 4

Камера в Акатуе.

Л у н и н. Все уже давно спят. Я пишу тебе письмо, любезная сестра моя. Пять лет, проведенных в Акатуе, изменили меня, но только физически. Не знаю, сколько мне жить осталось, но пора подводить итоги. Сейчас, по прошествии времени, могу я сказать о себе: я

не участвовал в мятежах, свойственных толпе, ни в заговорах, приличных рабам. Мое единственное оружие — мысль.

С другой стороны сцены появляется поручик Г р и г о р ь е в, с ним д в а с о л д а т а.

Г р и г о р ь е в. Ты держишь за ноги, а ты за горло... И чтоб все было как полагается. Начальство на нас надеется.

1-й с о л д а т. Не сумлевайтесь, ваше благородие. Не впервой.

Л у н и н. Что же двигало мной, что заставляло поступать наперекор власти? Власти стихии, власти государственной. Только долг и честь. Долг отдать всего себя отечеству. Долг не уронить ни перед кем достоинства своего, а значит, и чести.

Г р и г о р ь е в. А бумаги все изъять и начальству предъявить. А что в тех бумагах — не нашего ума дело.

Л у н и н. Дорогая сестра. Я — сумасшедший. Сам обрек себя на мучения. А жизнь — прошла. Я любил и отказался от любви. Я страдал и упивался своими страданиями. Во имя чего все это? Тяжко мне сегодня! Господи, дай мне силы...

Г р и г о р ь е в. Ну, братцы, с богом.

Врываются в камеру.

Л у н и н. Входите, не стесняйтесь. Я ждал вас.

Душат Лунина.

Г р и г о р ь е в. Государев преступник Лунин волей Божьей помер. Угорел.

2-й солдат. Так точно. Угорел, ваше благородие.

Г р и г о р ь е в. Зови лекаря!

Ф о м а. Прости меня, Господи! Не уберег барина. Не уберег...

Звучит вальс.

Лунин в парадном мундире танцует с Натали Потоцкой.

Л у н и н. Натали! Как я рад видеть вас. Как часто долгими сибирскими вечерами за свистом вьюги мне слышался ваш голос. В письмах я спрашивал о вас. Но за все эти годы никто не написал мне, что с вами.

Н а т а л и. Молчите, милый. Все позади. Все, что могло случиться, уже случилось. Я прожила всего пять лет

после расставания с вами, а теперь мы вместе. Навсегда. Навсегда.

Музыка звучит громче.

Г р и г о р ь е в. Эй, служивый, не забудь табачок забрать. Знатный табачок у Лунина.

1-й с о л д а т. И то правда. Не забыть бы.

Картина 5

Библиотека ИГУ (Белый дом).

М и т я. Я даже не ожидал, что меня так захватит эта история.

К а т я. Я же говорила.

М и т я. А знаешь, в этом здании жил иркутский генерал-губернатор.

К а т я. Может быть, именно в этой комнате он слушал донос Успенского на Лунина.

М и т я. И Лунин здесь тоже бывал. Иногда кажется, что он просто стремился стать мучеником. Приобрести этакий ореол.

К а т я. Может, ты и прав. Но в этом он тоже вел себя как гордец.

М и т я. Гордыня его оттого, что он боялся уронить себя, испачкать, даже показаться смешным. Интересно: смог бы Лунин жить в наше время? Ужился бы в нашем обществе?

К а т я. Не знаю... Боюсь, что нет...

Звучит песня.

Малиновый ментик
И белый колет.
Нет в жизни вопросов,
Есть только ответ.

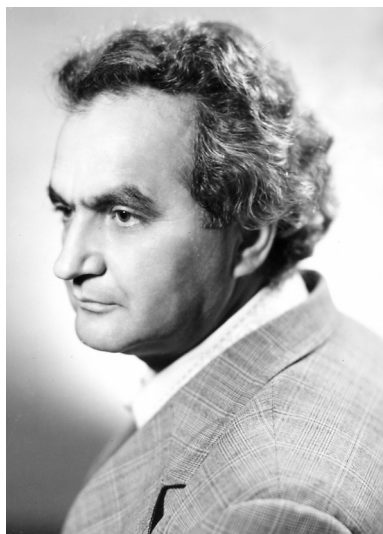
В ответе просторы,
Луга и ветра,
Звон сабель и трубы
Зовут нас с утра.

Ах, только успеть бы
Жар-птицу поймать
И жизнь за Отчизну
Нам с честью отдать.

Занавес.

Золотой фонд

Сергей Иоффе

Сергей Аизикович Иоффе родился в 1935 году в Смоленске. Детство прошло на довоенном БАМе, где работал отец. Окончил 9-ю иркутскую среднюю школу им. Пушкина, Иркутский педагогический институт, служил в армии. Был редактором на студиях телевидения и кинохроники, преподавал в университете. Многие годы отдал журналистской работе в газете «Советская молодежь». Сергей Иоффе — автор десяти поэтических и прозаических книг. Основные из них — «Надежда», «Дорога», «Отзвук», «На исходе века», «Северные поезда», «Любит — не любит». В нынешнем году С. Иоффе исполнилось бы 70 лет.

СВЕТЛО И ЧИСТО

С Сергеем Иоффе я познакомился в 1978 году и сразу же подружился. Нет, я не был знаком с ним лично, не разговаривал с ним, не жал его руку, не сидел с ним за столом. Но разве это так уж важно? Я хорошо знал его как писателя, а он, судя по своим стихам, не хуже знал меня как читателя, иначе бы не писал так, как писал.

В 1978 году, в сентябре, в Доме культуры иркутского Академгородка прошла встреча иркутских писателей с читательской публикой. Аншлага, правда, не было, но и свободных мест было немного, в то время у наших писателей было достаточно читателей и почитателей. Книги их выходили тиражами в десятки тысяч, а то и сотни тысяч, и долго на прилавках не залеживались... Писателей на встречу приехало десятка полтора-два. Тепло принимаемые, они по очереди выходили к трибуне, читали стихи и отрывки из прозы.

Вот ведущий объявил поэта Сергея Иоффе. Вышел мужчина средних лет в сером костюме с заметной сединой в густой шевелюре и начал как-то уж слишком просто читать свои стихи, будто что-то рассказывал нам. Но бесхитростный этот рассказ сразу заставил замолчать шушукавшихся слушателей, какие всегда попадают в любой аудитории. Знаете, встретились двое знакомых и начали обмениваться новостями, ну и что с того, что кто-то говорит с трибуны... Но тут все были захвачены простыми, незамысловатыми строками:

«В тепляке, в воскресный день, средь тайги и непогоды собрались, кому не лень, да травили анекдоты. Врала — кто во что горазд! Но не в тон, светло и чисто, Прозвучал тогда рассказ одного бульдозериста...»

Про всесоюзную ударную комсомольскую стройку БАМ в те годы писалось много, в том числе и стихов. Отметились на этой теме многие знаменитые поэты. Впрочем, как правило, это было нечто обязательное, идеологически выдержанное, порой с долей вольнодумства. Но чтобы о БАМе писать вот так! Обычно длинные стихотворения плохо воспринимаются слушателями, но только не эти. Потом он читал другие стихи, и немало. Вроде и писателей приехало много, но каждый читал помногу, а зрители хорошо слушали. В завершение своего выступления Сергей

Иоффе прочел стихи, посвященные отцу, про то, как спустя много лет после его смерти он смотрит документальную киноленту, где отец еще жив. Наверное, не только у меня одного пробежали мурашки по коже от строк:

Повтори тот светлый год!
Нет счастливей дня:
батя улицей идет,
смотрит на меня...

Вот так мы и познакомились. Впрочем, встреча эта оказалась единственной. Я начал искать его книги, и скоро у меня их было немало. Каждая книжка была для меня как праздник, многие стихотворения сразу же запоминались наизусть. Он не писал стихи просто так, без повода. В каждом он говорил о чем-то очень важном, для себя и для меня. Всегда заставлял о чем-то задуматься, и всегда его стихи брали за сердце. И это несмотря на то, что писал Сергей Айзикович исключительно о простых, часто слишком простых вещах, о которых, казалось бы, и сказать нового уже нечего. О любви к отцу и матери. О духовной связи родителей с детьми. О родной стране и родном городе. О том, как хорошо в тайге. О мужской дружбе. О сложностях любви. О том, что быть просто хорошим человеком — это немало... Он старательно избегал высоких слов, язык его стихов очень прост и лаконичен. Хотя многие стихи вовсе не коротки.

Сергей Иоффе любит рассказывать в своих стихах о случаях из жизни. Вот он, сотрудник «Советской молодежи», возвращается под утро домой с работы, трамваи еще не ходят, на мосту встречается с очень расстроенной девушкой, не может пройти мимо чужого горя. Он узнает, что она приехала издалека поступать в университет, провалилась на экзаменах и теперь не знает, что делать дальше. Он пытается как-то помочь ей. Советует поехать в Ангарск, поступить на работу, пишет записку своему другу, чтоб тот помог ей устроиться, дает деньги на дорогу. Сейчас это смотрится очень наивно и старомодно. Как так, просто взять и бескорыстно помочь красивой молодой девушке, когда можно воспользоваться ее тяжелым положением и смятением?

Впрочем, уже и тогда на таких людей многие смотрели как на белых ворон, не хотели верить в их искренность. Многие, особенно те, кто был моложе, не принимали такую жизненную позицию. Впрочем, так ли уж плохо для поэта быть белой вороной?

«А вдруг у Наташи и нынче невзгоды? Вдруг некому ей отвечать на вопрос: «Ну, как тебе, девочка, все эти годы любилось, грустилось, мечталось, жилось?»»

Как складывалась его поэтическая жизнь? Неплохо. Выходили поэтические сборники, тиражом когда 5, когда 10 тысяч. И расходились довольно быстро. Несколько тысяч читателей — это кое-что! Кроме стихов он писал этюды о поэтах, вышло три книжки, они достойны отдельного разговора, в конце жизни пошла проза... Да, все складывалось неплохо. Но очень обидно, что все его книги выходили исключительно в Иркутске, в городе, ставшем ему родиной (родился Сергей Иоффе в Смоленске). А в других городах о нем не знали, так получилось, а это несправедливо.

Впрочем, я не могу претендовать на объективность своей оценки, трудно быть объективным к друзьям. А Сергей Иоффе — мой друг, очень близкий человек. Не беда, что мы не были лично знакомы, иногда это не помогает узнать человека. Это я понял после разговоров со многими людьми, жившими и работавшими рядом с ним. «Сережа хороший парень, но ведь он холодный», — как-то услышал я от одного из них. Потом он сказал, что вообще в 60-70 годы об Иркутске не было написано ни одной искренней поэтической строчки. Вот так.

А мне сразу припомнились стихи:

Проникаю несуетным взглядом
в тот Иркутск, где не будет меня...

С нестареющей церковью рядом
пробегают трамваи звеня.

или

Когда этот шумный бульвар
был садом Парижской коммуны...

Сам Иоффе очень строго оценивал себя, особенно в сравнении со своим отцом:

Как много значил батин труд —
дороги, города... А что стихи?
Они текут сквозь пальцы, как вода.
Кого хоть раз утешить смог,
от стужи уберечь? И даже если хвалят слог,
— Не крыша он, не печь...

Хочется ответить поэту: «Меня».

*Григорий Рейнгольд,
Иркутск, 2005 г.*

НА ЛЕТНЕЙ ЭСТРАДЕ

Осенний лес.
Сентябрьская прохлада.
Лежит туман утрами на реке.
Заброшенная летняя эстрада
от сумеречных дач невдалеке.
Она служила прежде для собраний,
для танцев
и для выбора невест...
Я прихожу сюда без опозданий
и занимаю лучшее из мест.
Здесь скрипки пели
и виолончели,
над лесом плыли отзвуки трубы...
А в этот час
в пустующем партере
сидят себе ромашки да грибы.
Здесь на скамейках греются стрекозы.
Полузакрыв для важности глаза,
чтецы малохудожественной прозы —
два ворона покаркивают в зал.
И гул шмелей,
и ласточкино пенье,
и шепот трав —
все это только мне.
Я первый зритель чудо-представленья:
подобных не бывало на земле.
Спасибо, позабытая эстрада,
что забрести случайно довелось.

Конец программы.
Грустная рулада.
Легли на сцену тени от берез,
А может, тени — вовсе и не тени,
а контуры причудливых кулис?..
В последнем танце кружится по сцене
звезда сезона —
пожелтевший лист.

ПРОЩЕНИЕ

Меня самолеты,
как загнанных коней,
я трое суток мчался
к немилостивой, к ней.
От скорости и злости
кружилась голова.
Я резкие, крутые
вынашивал слова.
Вынашивал усмешку:
мол, твой черед — живи,
как я беспечно прожил,
без писем, без любви...
Кассирши и туристы,
туманы и дожди
ничтожною преградой
вставали на пути.
Я справился со всеми,
я все преодолел —
был вкрадчив и находчив,
бестрепетен и смел.
Однако на исходе
решающего дня
находчивость и смелость
оставили меня.
Когда за дверью тренькнул
ласкающий звонок,
я резких ни полслова
сказать уже не мог,
Когда она безгрешно
в глаза смотрела мне,
я позабыл и думать
о давешней вине,
о том, что целый месяц —
на радость всем врагам! —
терзался я без писем,
страдал без телеграмм.
...Я глупо улыбался,
я врал, что было сил.
Я у нее прощенья
за что-то попросил...

В ПОЕЗДЕ

Окно захлопну,
скажу соседу:
«Вы разбудите,
а то проеду.
Меня не встретят.
А вас-то встретят?»
Он улыбнется
и не ответит...
К прохладной стенке
приткнусь сначала,
глаза закрою,
чтоб укачало.
Потом услышу
гудок тягучий.
Колеса стукнут:
вот-так-то-луч-ше.
Вот так-то лучше,
вот так-то проще:
литые думы —
дымком по роще!
И где вы, годы?
И где вы, беды?
Я вас не знаю,
я вас не ведал.
И будет просто
и так легко мне:
усну — забуду,
проснуть — не вспомню.
Чужие лица
и разговоры.
Исчез сосед мой,
молчал который...
Ох, до меня ли
ему, соседу...
Куда я еду?
Куда я еду?

* * *

Ю. Хохликову

Пригляделся к байкальским красотам.
Попривык. Перестал замечать.
Что там горы в багульнике, что там
предосенней тайги позолота —
все поблекло и стало мельчать.
Ну, скалы нависает громада.
Ну, тропа сквозь кедрач пролегла.
След медведя. Следы камнепада.
Эка невидаль! Так, мол, и надо.
Заурядные, в общем, дела.
Но пожаловал в гости однажды
человек из далеких краев.
Словно путник, томящийся жаждой,

и к цветку, и к травиночке каждой
жадным взглядом прикинуть готов.
Языка поначалу лишился —
онемело качал головой...
Уезжая, обнял, прослезился
и тирадой в сердцах разразился
умилительной: «Боже ты мой!
Понимаете ли, где живете?
Чем владеете, цените ли?..»
Теплоход, как и должно на флоте,
дал четыре гудка при отходе
и неспешно растаял вдали.
Я остался стоять на причале.
Как обычно, тугая волна
била в бревна. И чайки кричали.
Но — о, чудо! — глаза не скучали,
будто разом сошла пелена.
И опять я увидел впервые
и неслыханных птиц в вышине,
и Дабана гольцы снеговые,
и в воде облака кучевые —
в неживой, ниже дна, глубине.
На единой, на благодатной ноте
пели травы, стрижи и шмели.
И донес ветерок на подлете:
«Понимаете ли, где живете?
Чем владеете, цените ли?..»

ПОТОМКУ

Далекий, премудрый потомок!
Моя бестелесная тень
сквозь дебри веков и потемок
стучится в твой праведный день.
Услышав подобие стога,
захочешь ли внять, господин?
Единственный шанс из миллиона.
Цепляюсь за этот один.
Историк, философ, послушай.
Разгадан секрет бытия,
да только болящую душу
тебе не постичь без меня.
Беспечное, райское время.
Всесилен, как бог, человек.
Блаженства несладкое бремя
тебя придавило навек.
Пусть даже еще не угасла
нетленная жажда ума,—
ты бьешься над тайной напрасно.
Раскроется тайна сама,
лишь ты — не Иисус и не Будда —
мне дерзость с улыбкой простишь,
свершишь ординарное чудо
и к жизни меня возвратишь.

Прошу, умоляю о чуде!..
Нимало я не огорчу —
сомненью, отчаянью, смуте
и болям своим научу.
А если они не по нраву,
а если нехстати они,
верни меня ради забавы.
Ну что тебе стоит? Верни.
Ты зрелищем будешь доволен.
Без милой, без дома, без прав
очнусь и заплачу на воле,
родимой земли не узнав.

Улица улыбок

Елена Соколова

г. Железногорск-Илимский, 10 класс

Стефановский

№ 3 (19) 2004

ЛЕСНОЙ ДЕТЕКТИВ

Эта необычная история произошла в совсем обычном лесу, каких много на всей земле. В этом лесу жили обыкновенные жители: Волк — следователь местной милиции. Он мечтал о своей профессии, когда был еще совсем маленьким волчонком. Теперь он вырос и стал тем, кем хотел, но ничего хорошего в своей работе не видел. Он мечтал о запутанных, страшных и кровавых преступлениях, которые раскрыть мог бы только он, за что имел бы ордена почета и славы. Но вместо этого он сидел у себя в кабинете и ритмично стучал карандашом по столу. В такие минуты его посещали мысли о том, что можно было бы убить самому, пока никто не видит, какого-нибудь ежика. И раскрывать потом это преступление лет пятнадцать, пока не найдется убийца. Хотя убийца, естественно не найдется. Этот Волк-следователь не был женат, потому что не видел особого счастья в семейной жизни. Поклонницы ходили толпой за ним, но он всем отказывал.

В лесу, как и везде, есть свои авторитеты. Полиграф Михалыч Потапов — местный олигарх. У него несколько частных берлог, в которых можно купить все: от иголки для ежика до сезонной шубки для зайца. Полиграф Михалыч — славный медведь. Его многие любили и уважали, но на праздники приглашать не хотели, потому что уж очень сильно он любил петь. Медведь чересчур заботился о своих родственниках, не забывал, что где-то на Гималаях, в Китае и на Северном Полюсе у него живут братья. На каждый праздник он высылал кому-то одному открытку, в которой здоровался и просил переслать эту «же открытку другому брату и т. д., пока открытка вновь не оказывалась у него, чтоб на следующий праздник он опять смог послать ее своим родным.

Так вот, случилась однажды в этом лесу необычная история, впервые за последние двести лет. Как всегда наступило утро, проснулись птички, Волк пошел на работу, сороки улетели в город за сплетнями, а Потапов не пришел в свой офис. Все секретари и секретарши в панике бегали по лесу. Они обзвонили все берлоги, обошли все клубы, где он любил просиживать часами, но все безрезультатно. Полиграф Михалыч как сквозь землю провалился. Вот тут-то дело дошло до Волка. Когда он узнал о происшествии, его сразу захлестнула волна мечтаний. Он уже представлял себе блеск медали на своей груди. Так помечтав минуток триста, он отправился на поиски улики. Сначала он нашел платок Потапова, а потом увидел лужу красного жидкого вещества возле медвежьей берлоги. Волк решил ловить всех странных личностей — типичных бандитов и убийц. Первым он арестовал Зайца. Этот мог убить Медведя. Ведь однажды Медведь наступил Зайцу на левую лапу, а чтобы не опозориться на весь лес, Заяц всем говорил, что это лично сам Медведь, ему пожал лапу в знак признательности. Но потом Волк подумал, что Заяц слишком труслив, чтобы убить Медведя. Если уж он тени своей боится, то про Медведя и говорить нечего. Но на всякий случай Волк посадил Зайца за решетку до выяснения обстоятельств.

Потом Волк вспомнил про Мышь — Мышеловку Сыровну Пищалкину. Ведь она была конкурентом Потапова и всегда хотела завладеть его берлогами и офисом. На всякий случай Волк посадил и ее в тюрьму. Теперь Мышеловка Сыровна была главной подозреваемой.

Но тут как раз мимо окон проходила Лиса — Алиса Матвеевна Хитроумова. Волк сразу вспомнил, как в прошлом году она обманным путем прибрала все драгоценности и деньги тогдашнего олигарха Лося Копытовича Рогова. Хитроумова говорила, что любит Лосю. Потом прибрала все ценности и уехала в Сочи. Там потратила деньги и вернулась обратно к Лосю. Но он уже женился на другой Лосихе, и они уехали в Краснодарский заповедник. Вот Волк и подумал, может, Лиса опять все у Медведя утащила, а его самого убила, чтоб потом не травмировать свою нежную душу. На всякий случай Волк и ее арестовал.

Так Волк еще пол-леса арестовал бы, но его посетила очередная гениальная идея. Надо искать свидетелей, пока обвиняемые их не убрали. Он пошел к старому мудрому Филимону Соновичу Засыпайкину. Он ведь по мочам везде летает, все видит. Но Филимон сказал, что ничего, никогда, нигде, никого не видел, сослался на старость, плохое зрение и дорогие лекарства. Волк понял, что от этого пенсионера ничего не дождешься, и ушел. Потом он заглянул к белкам. Ведь эти вертихвостки по всем деревьям скачут и что-то могли увидеть. Но когда следователь задавал им вопросы, они только хихикали и спрашивали, женат он или нет. Пожалуй, этот день был самым неудачным для Волка. Свидетелей нет, подозреваемых хоть отбавляй, а следов и улик днем с огнем не сыщешь. Теперь он стал с легкой ностальгией вспоминать те дни, когда тихо сидел у себя в конторе и стучал карандашом по столу.

Тут Волк обо что-то споткнулся. Он посмотрел себе под ноги и увидел ежика с красными лапками. Следователь подумал: «Вот странный еж, у всех лапы как лапы, а у этого красные». И тут его как кипятком ошпарило. Он вспомнил лужу красного цвета у берлоги Полиграфа Михалыча... и кинулся за ежом, а того уже как будто и не было. Волк стал принюхиваться, и запах привел его к очень большому кусту. Сыщик подумал: «Вот и убийца, и медаль почета у меня в руках». Он раздвинул ветки куста, а там... там были ежики — штук пятьсот, все они бросились купаться в местной речке, все были на одно лицо. Мечта об ордене и раскрытии дела сразу испарилась. Он повесил хвост, опустил голову и тихонько поплелся домой. Ведь он упустил последний шанс раскрыть это запутанное дело. Но подозреваемых — Зайца, Алису Матвеевну и Пищалкину — он решил не выпускать. Так, на всякий случай.

Прошел месяц. Волк уже подумывал об увольнении, Мышеловка Сыровна пыталась бежать из тюрьмы тридцать три раза. Но ее ловили прямо у решетки.

И тут, откуда ни возьмись, появился Полиграф Михалыч. Все на него смотрели, как на приведение. И это его слегка напугало. Через несколько минут Волк узнал о появлении Потапова в лесу. Он не поверил своим ушам, но все-таки пошел к берлоге Медведя. Медведь не только не выглядел как привидение, а наоборот, посвежел, похорошел. Когда Медведь узнал, что стал покойником, он не мог удержаться от смеха. Посмеявшись, он рассказал, как все было.

Ровно месяц назад он сидел у себя в берлоге и смотрел семейный фотоальбом. На одной из фотографий он увидел свою тещу и решил сделать ей сюрприз: приехать к ней на юбилей с подарками и цветами. Теща у Потапова живет на Северном Полюсе, она очень красивая старая белая медведица. В общем, собрался он и поехал в гости. Вот так дело раскрылось само со-

бой. Зайца и Лису выпустили из тюрьмы, а Пищалкиной еще предстоит отсидеть там два года за побеги.

P.S. У берлоги Медведя рос большой куст малины. Ежик прогуливался ночью возле берлоги Медведя, увидел, что Потапов уехал, и решил собрать всю малину с куста. Вот вроде бы всю собрал, но тут налетел Филимон Сонович, и ягоды рассыпались, а к утру от них осталось лишь красное жидкое вещество...

Первоцвет

№ 3 (19) 2004

Литературно-художественный альманах для юношества

Альманах зарегистрирован в Восточно-Сибирском региональном управлении регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати, регистрационный номер И-0391 от 28 июля 1998 г.

Выпуск альманаха осуществляется
благодаря финансовой поддержке Комитета по культуре
администрации Иркутской области и Комитета
по молодежной политике.

*Областная юношеская библиотека им. И. П. Уткина
и редакционная коллегия альманаха «Первоцвет»
сердечно благодарят оперативную типографию «На Чехова»
за помощь в издании альманаха, понимание и поддержку*

Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Адрес редакции: 664011, г. Иркутск, ул. Чехова, д. 10
Тел. (3952) 29-07-93, 20-43-01
E-mail: library@youlib.irk.ru

Тираж экз. Заказ №

Цена свободная.

Отпечатано в ООО Оперативная типография
«На Чехова»

664011, г. Иркутск, ул. Чехова, 10.
Тел./факс: (3952) 20-93-55, 20-90-56.

Лицензия ПД № 13-0035.

E-mail: chehova@irk.ru.